А. К. ПИСАРЧИК

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ ГОРОДОВ ФЕРГАНЫ

Летом 1938 г. Узбекистанский комитет по охране памятников старины и искусства (Узкомстарис) направил в Ферганскую долину небольшую экспедицию с заданием произвести обследование народной архитектуры этой долины. В экспедиции в качестве этнографа принимал участие автор статьи. Во время работы иногда случалось, кроме материалов, непосредственно относящихся в намеченной планом работ теме (народная, главным образом жилая архитектура), наталкиваться на сведения, не относящиеся непосредственно к теме, но по своему интересу заслуживающие фиксации, а именно на предания о прошлом городов Ферганы и о некоторых находящихся в них постройках. В 1944—1947 гг., во время командировок в Коканд и Андижан от Института истории и археологии АН УзССР, эти сведения удалось несколько пополнить. К сожалению, вследствие занятости другими работами автор не имел возможности сопоставить собранные данные с сообщениями письменных источников, освещающих историю Ферганской долины, и с архивными документами. Автор надеется все же, что и в настоящем виде, несмотря на некоторую неполноту и отрывочность, собранный материал окажется небесполезным при изучении исторической топографии городов Ферганы.[1]

МАРГЕЛАН

Как известно, Маргелан является одним из древних городов Ферганской долины.[2] В X в. это был, по определению Макдиси, всего лишь небольшой городок, входивший все же в число сорока насчитываемых им в то время в Фергане городов и селений с соборной мечетью, но уже в XII в. он определяется Самани как «один из известных городов Фер-

---

[1] Из приложенных к данной статье фото №№ 2, 3, 4 выполнены П. М. Литвиновым во время работ экспедиции Узбекистанского музея искусств в 1937 г. (негативы хранятся в УзМИ), №№ 1, 6, 16—22, 25, 29—31—А. К. Писарчик во время работ экспедиций Узкомстариса 1938—1939 гг. негативы хранятся в Управлении по делам архитектуры при СМ УзССР), №№ 9—11—Е. Н. Юдицким, №№ 26, 27—тов. Розенкранцем в 1949 г., № 12—Е. К. Бетгером в 1925 г., № 15—репродукция открытки, изд. Б. А. Шнайдера. Одесса, №№ 23, 24, 28—в 1956 г.

[2] В Узбекистане имеется еще кишлак с названием Маргелан в Динауском сельском совете, Динауского района. (Список населенных пунктов Узбекистана 1928 г., Самарканд, 1929, Сурхан-Дарьинский округ, стр. 7) и кишлак Маргелан-тепе в Дагбидском сельском совете, Ак-Дарьинского района. (Там же, Самаркандский округ, стр. 7).

ганы». В словарях Самани (XII в.) и Якута (XIII в.) он приводится под названием «Маргинан».[1] Так же называет его и Бабур, который в своих записках, составленных в начале XVI в., упоминает его в числе семи главных городов Ферганы.[2]

Местная легенда почему-то связывает название города с именем святого Аппака (известный мусульманский святой, живший в XVII столетии), мазар которого находится в Кашгаре.[3] Согласно этой легенде, однажды через место, где сейчас находится Маргелан, проходил святой Аппак. Он проголодался и попросил у одной старухи поесть. Она вынесла ему курицу и хлеб. Название этой пищи (по-таджикски «мурғ-у нон») и стало якобы с тех пор названием города.[4] Повидимому, в связи с этой легендой находится и приведенная В. П. Наливкиным форма названия — Мургнан.[5]

Ныне покойным М. С. Андреевым в личной беседе было высказано предположение о возможном происхождении названия Маргинан-Маргелан, принимая во внимание современное произношение последнего названия с твердым задненебным «г», от согдийского слова «марг» (marγ — луг; место, поросшее высокой густой травой), которое в таджикских и персидских толковых словарях объясняется как сорт травы, охотно поедаемой скотом (это же значение слово «марг» имеет в ягнобском языке); отсюда «маргзор» — лужайка.

Слово «марг» часто встречается в топонимике долины реки Ягноба, где, как известно, до настоящего времени проживают потомки древних согдийцев, сохранившие свой древний язык, рассматриваемый учеными как один из диалектов согдийского языка. В Ягнобе имеется селение Маргтумайн (Marγtumayn, букв. селение на марге), местности и летовки Катта маргак (Katta mrγák), Суланги марг (Sulangi marγ), Кудмарг (Kudmarγ). В долине реки Ягноба, в местностях, населенных в настоящее время таджикоязычным населением, имеется селение Маргеб (Marγeb), а в долине реки Фана — селение Кумарг (Kumarγ).[6]

В Таджикистане кишлаки Маргак (Marγak) и Маргоб (Marγob) имеются в Кулябской области.

В селении Нур-Ата (Самаркандской области Узбекской ССР), окруженном тюркоязычными (узбекскими, туркменскими) селениями, но населенном искони таджиками, сохранившими до последнего времени таджикский язык, нами в 1938 г. зарегистрировано слово «марг» в топонимике частей селения. Вся площадь последнего рукавами орошающих его ключей разделена на четыре части, которые называются: Марги хони—ханский марг, Марги мири—марг мира, Марги Мир-Гадой—марг

---

[1] В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900, стр. 158 и 163 (в дальнейшем цитируется Туркестан...), его же, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 77; W. Barthold, статьи Fargha:na и Marghelan, The Encyclopaedia of Islam, т. I и II, Leyden-London, 1913—1927.

[2] Бабур Захириддин, Бабур-намэ, перевод М. Салье, Госиздат УзССР (Ташкент), 1948, стр. 11 (в дальнейшем цитируется Бабур-намэ); Ba:bur-na:ma, transl.by A. Beveridge, London, б. г., стр. 6 (там же указана пагинация оригинала, в дальнейшем цитируется Ba:bur-na:ma).

[3] W. Barthold, Ka:shghar, The Enc. of IsI., т. II, стр. 788.

[4] Другая версия этой легенды, сообщенная нам покойным ныне Н. Г. Маллицким, относит возникновение этого названия ко времени мифического похода Хазрета Али (четвертого халифа) на Фергану. При этом слово «мург» толкуется не как курица, а как фазан.

[5] В. П. Наливкин, Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886, стр. 4.

[6] С. И. Климчицкий, Название Согдианы в топонимике Таджикистана, Записки Ин-та востоковедения АН СССР, VI М.-Л., 1937, стр. 10-11; о значении слова «марг» см. его же. Ягнобско-согдийские соответствия. Там же стр. 18-19.

Мир-Гадоя (собственное имя) и Марги шарики — объединенный марг, принадлежащий группе лиц.

Н. Г. Маллицкий, ознакомившись с изложенным, высказал предположение о происхождении от слова «марг» названия реки Мургаб, которое, как известно, в древности передавалось в форме Марг, Маргоб. Очень интересно, что аналогичным образом объясняет это название и местное население, которое прилагает название «марг» к одному виду травы, обильно растущей в ущельях в верховьях Мургаба. Это объяснение было записано В. А. Жуковским, который привел даже научное определение травы «марг» — Agrotis Linearis.[1]

О месте нахождения города Маргелана в древности в научной литературе, насколько нам известно, указаний нет. В. В. Бартольд, говоря о том, что «положение Маргинана (Маргелана) и Андукана (Андижана) известно»,[2] исходит, очевидно, из местоположения современных городов Маргелана и Андижана. Во всяком случае, никаких доказательств сказанному он не приводит. Поэтому представляется небесполезным привести некоторые собравшиеся у нас данные, подтверждающие нахождение современного Маргелана на месте древнего Маргинана.

По сообщению маргеланского мастера-строителя Хакимджана Холматова, принимавшего участие в постройке находящихся в центре города Маргелана корпусов шелкоткацкой артели им. Сталина, земля здесь изрыта ямами, поглощающими колодцами, фундаментами старых зданий и прочими следами многовековой жизни города. При закладке фундамента для того, чтобы добраться до твердого грунта, приходилось местами рыть котлованы, глубина которых превосходила высоту возводимого на этом фундаменте здания.

Предположение о нахождении современного Маргелана на месте древнего Маргинана подтверждается также существующим преданием о том, что на кладбище, расположенном к западу от бывшей маргеланской каменной соборной мечети (в которой в 1939 г. помещался хлебный завод), еще в начале XIX в. якобы стоял минарет,[3] построенный Кзыл-Арслан-ханом.[4] Согласно этому преданию, сообщенному нам старым андижанским мастером-строителем усто Юсуф-Али Мусаевым,[5] Кзыл-Арслан-хан построил всего одиннадцать минаретов. Усто Юсуф-Али смог назвать пять из них: 1) бухарский, действительно построенный караханидом Арслан-ханом в 1127 г. (521 г. х.),[6] 2) вабкентский, в действи-

---

[1] В. А. Жуковский, Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва, Материалы по археологии России, № 16. СПб., 1894, стр. 68.

[2] Туркестан..., ч. II, стр. 158.

[3] К сожалению, приведенная легенда была записана уже после нашего отъезда из Маргелана, поэтому не удалось лично осмотреть то место, где, по преданию, находился минарет.

[4] Кзыл-Арслан-хан — широко распространенное прозвище очень популярного в Средней Азии караханида Мухаммед-Арслан-хана, б. Сулеймана (1102—1130).

[5] Юсуф-Али Мусаев, родившийся в 1870 г. в Маргелане, а потом живший в Шарихане и Андижане, — потомственный мастер-строитель, всю свою молодость проработавший в большом коллективе своих родственников — квалифицированных мастеров-строителей. Обладая недюжинными способностями и редкой памятью, он являлся подлинной живой энциклопедией по строительному делу восточной части Ферганской долины. Помнил он также массу преданий из прошлой жизни своей родной Ферганы. Многие из них легли в основу изложенных материалов. Умер Юсуф-Али Мусаев 1 января 1948 г. на 78-м году жизни (подробнее о нем см. А. К. Писарчик, Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX—начале XX вв., Среднеазиатский этнографический сборник, Тр. Ин-та этнографии им. Миклухо-Маклая, Нов. серия, т. XXI, М., 1954, стр. 218—220).

[6] Приводимые данные о дате этого и следующих двух минаретов заимствованы из книги Б. П. Денике «Архитектурный орнамент Средней Азии» (М.—Л., 1939, стр. 20 и сл.). См. также Б. Н. Засыпкин, Архитектура Средней Азии, М., 1948, стр. 65.

тельности построенный, как установлено из надписи на нем, бухарским садром Бурхан-уд-дином Абдул-Азизом II в 1197 г. (593 г. х.), 3) узгентский, неизвестно кем построенный и не имеющий даты, но относимый большинством исследователей к XI—XII вв.,[1] 4) андижанский и 5) маргеланский.[2] Первые три, как известно, существуют до сих пор; последние два не сохранились. Однако существование в конце XVIII и начале XIX вв. маргеланского минарета подтверждается многочисленными свидетельствами очевидцев. Русский унтер-офицер Ф. Ефремов, взятый в плен киргизами в 1774 г., проданный в рабство в Бухару и вернувшийся оттуда через Фергану, Кашгар, Тибет, Индию и Англию в Россию в 1782 г., говорит, что «в Маргылянде... у рынка есть каменный круглый столп, вышиною в сорок, а толщиною в две с половиной сажени»[3] (85,3 и 5,3 м). Второй очевидец, сибирский татарин Муртаза Фейзуддин, посетивший Маргелан по торговым делам в 1808 г., в своих показаниях, записанных от него Г. Ф. Генсом, сообщает, что там есть «караульный столб, манарт старинной постройки».[4] Несколько лет спустя, в 1812 г., Мир-Изатулла, совершивший по поручению известного исследователя Муркрофта путешествие из Кашгара в Коканд и проезжавший через Маргелан, говорит, что «красу города составляет большой минарет, построенный из жженого кирпича».[5] Наконец, последним из известных нам очевидцев описываемого минарета был Ф. Назаров, попавший в Маргелан в 1814 г. Он пишет, что эта «башня» видна «на расстоянии 50 верст».[6]

Данные о высоте минарета, сообщенные Ф. Ефремовым, не совпадают с данными записанного мною со слов Юсуф-Али Мусаева предания. Согласно последнему, высота минарета до фонаря во время разборки, в первой четверти XIX в., равнялась 25 кулочам (маховым саженям), т. е. около 37,5 м. Один кулоч приходился на восьмигранный цоколь, а 24—на тело минарета, разделенное на 16 поясов, из которых 8 были гладкие, а 8 с орнаментом. Гладкие и орнаментированные пояса чередовались. Фонарь минарета тогда уже отсутствовал, так как, согласно тому же преданию, обрушился во время сильного землетрясения, якобы имевшего место в Фергане «около 250 лет тому назад» (записано в 1939 г.).

Думается, что цифра 25 кулочей ближе к действительности, а размер, сообщенный Ф. Ефремовым—сорок сажен (85,3 м), преувеличен. Такое заключение подтверждается сравнением приведенной им высоты

---

[1] Н. Г. Маллицкий обратил мое внимание на то, что местное народное название всего узгентского мазара, в который входит и упомянутый минарет, было Султан-Санджари-Мазы, из чего явствует, что народное предание связывает его с именем султана Санджара.

[2] Согласно сообщению уроженца селения Риштана, члена-корреспондента АН УзССР Мирза Абдулла Насреддинова, в Риштане существовал раньше минарет (остатки которого различимы еще до сих пор), постройка которого также приписывается народным преданием Кзыл-Арслан-хану.

[3] Ф. Ефремов. Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского ассесора десятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии, СПб., 1786, стр. 115.

[4] П. И. Небольсин. Очерки торговли России с Средней Азией. Записки Императорского русского географического общества, кн. X, СПб., 1885, стр. 350; В. В. Григорьев. Дополнения к книге К. Риттера «Землеведение, Восточный или Китайский Туркестан», в. II, СПб., 1873, стр. 415.

[5] Журнал пути из Кашгара в Коканд, совершенного в 40 дней Мир Иззет-Уллахом, К. Риттер, Землеведение, Восточный или Китайский Туркестан, вып. I, СПб., 1869, стр. 223; вып. II, СПб. 1873, стр. 417.

[6] Ф. Назаров. Записки о некоторых народах Средней Азии, СПб., 1821, стр. 61.

бухарского минарета с его действительной высотой.[1] Ф. Ефремов считал ее равной 50 саженям (106,6 м),[2] в то время как современные исследователи считают ее равной 46,5 м (без находящейся в земле ее цокольной части)[3] или 45,3 м.[4]

Записанное предание рассказывает и об обстоятельствах, при которых минарет исчез. Он был разобран по приказанию некого Иса-Дадха[5] при Омар-хане, т. е. во втором десятилетии XIX в.

Согласно записанному нами в Андижане со слов Юсуф-Али Мусаева преданию, Иса-Дадха, узбек по национальности, родился в Андижане в бекской семье. Он родился и жил в квартале Урда-махалля, где находилась его резиденция, называвшаяся населением урдой, отчего и весь квартал получил название Урда-махалля.[6] В течение многих лет, сначала при Омар-хане, а потом при Мадали-хане, Иса-Дадха был правителем Маргелана. После смерти Иса-Дадха, по его завещанию, до назначения его преемника якобы в течение нескольких лет решала все дела его дочь, известная под именем Шадман-Дадха. Передаются рассказы о проявлявшейся ею при этом мудрости.

Иса-Дадха был очень богат. В Андижане им было построено медресе (носившее его имя), которому им были завещаны вакфы. Громадные земельные участки были им переданы в вакф другому андижанскому медресе—медресе Хольбек Кушбеги, находившемуся около площади Куль-тепа. Умер Иса-Дадха около середины XIX в.

Работа по разборке минарета была поручена им знаменитому ферганскому мастеру-строителю первой половины XIX в. Мулла Азмат-дамулла, который якобы взялся за это дело, поставив только одно условие — чтобы его не торопили. Разбирая минарет, Мулла Азмат-дамулла тщательно изучал технику его выкладки, срисовывал орнаменты и т. д. и потом применял эти познания на практике как сам, так и через своих учеников. Один из последних, известный маргеланский мастер-строитель второй половины XIX в. усто Махмад-Муса построил около 80 лет тому назад, т. е. в 60-х годах XIX в., минарет при медресе Девана-бая в Андижане, уподобив его разобранному маргеланскому минарету (рис. 1).[7]

---

[1] То обстоятельство, что бухарский минарет сохранился в целости (только в 1920 г. была повреждена его верхняя часть, потом реставрированная), исключает возможность изменения его высоты за время, истекшее со времени осмотра его Ефремовым до точного его измерения.

[2] Ф. Ефремов, Цит. соч., стр. 67.

[3] В. А. Шишкин, Архитектурные памятники Бухары, Ташкент, 1936, стр. 38; Б. Н. Засыпкин, Цит. соч., стр. 65.

[4] Г. Пугаченкова и Л. Рempель, Бухара (Узбекистан), М., 1949, стр. 14.

[5] Вероятно это тот «кокандец Иса-Дадха», который в 1826 г. принимал участие в походе на Кашгар и был возведен завладевшим Кашгаром ходжой Джахонгиром в достоинство мингбаши (К. Риттер, Землеведение, Восточный Туркестан, в. II, Дополнения В. В. Григорьева, СПб., 1873, стр. 445; Forsyth, Report of a mission to Yarkand in 1873, Calcutta, 1875, стр. 182-183), а в 1842 г. участвовал в войне Шер-Али-хана (1842—1845) с эмиром бухарским Насруллой (В. П. Наливкин, Цит. соч., стр. 149).

[6] Под словом «урда» в древнем быту тюркских племен разумелось сборище всех семейств или подразделений одного и того же рода с целью итти против неприятеля или по другим причинам; вследствие этого оно приняло значение стана, лагеря; в уйгурском—дворец хана, ставка предводителя войска (Л. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I, СПб., 1869, стр. 124). Кроме того, это слово обозначало местопребывание гарема и семейства хана или эмира (Узбекско-русский словарь, Ташкент, 1941, стр. 636). Иногда это же выражение применялось для обозначения дома, в котором помещалась семья высших сановников, как это, повидимому, имело место и в данном случае.

[7] Этот минарет был нами сфотографирован в 1939 г. В настоящее время он уже не существует.

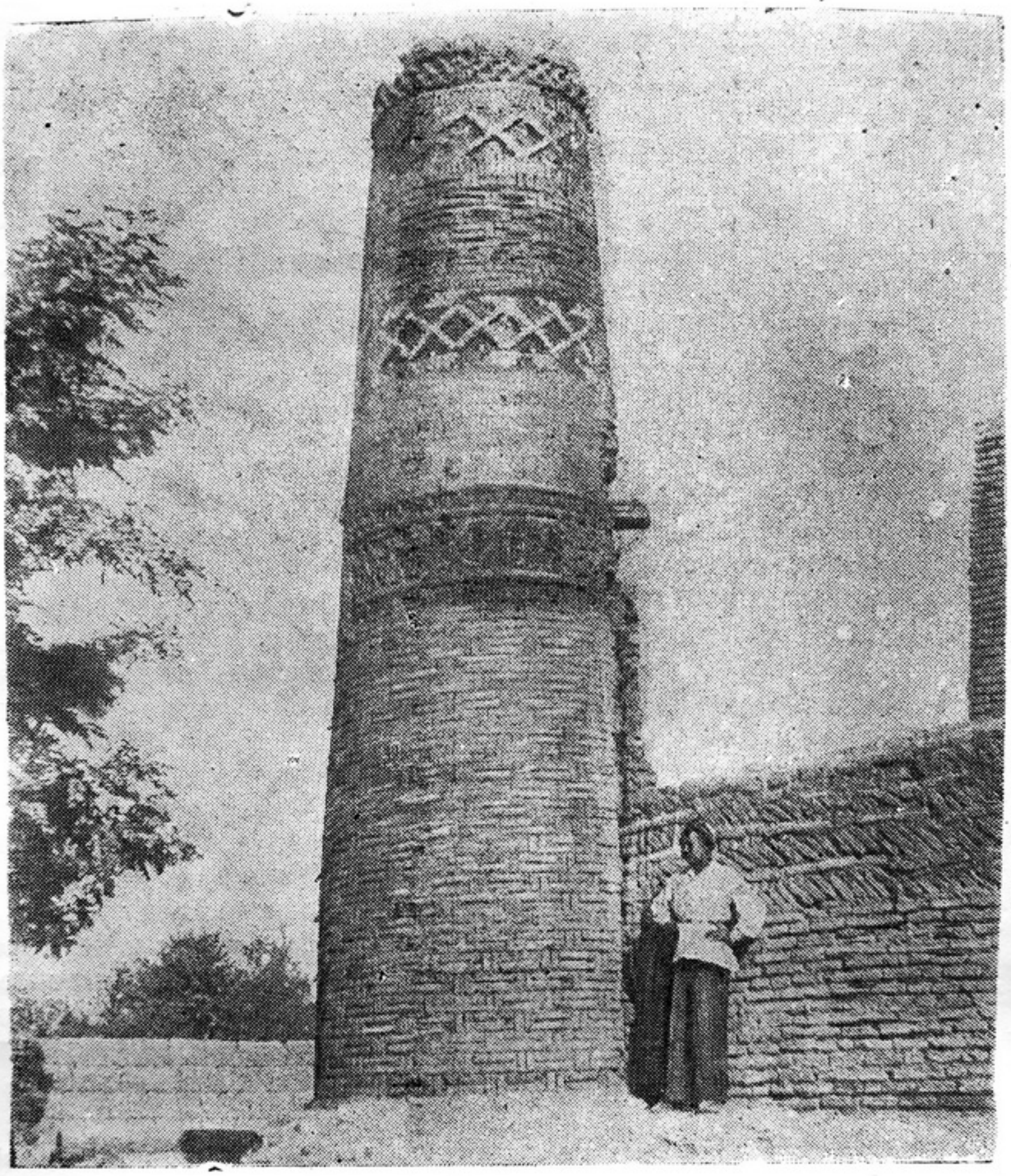

Рис. 1. Минарет при медресе Девана-бая в Андижане. 60-тые годы XIX в.

Маргеланский минарет, судя по его размерам, должен был находиться при соборной мечети. Следовательно, остатки последней нужно искать около того места, где, по преданию, находился минарет. Если минарет, как об этом говорит предание, действительно был построен во время Караханидов или раньше, то возможно, что он находился при той соборной мечети, о которой Макдиси (в X в.) говорит, что «она была расположена вдали от базаров и у ворот ее протекала река».[1]

Наконец, еще одним указанием, хотя опять-таки только косвенным, на местоположение города в более раннее время может служить найденный нами на кладбище между бывшей мечетью Намозга[2] и медресе Мад-Яра в ураме (части) Кзыл-Сокчи фрагмент очажка с штампованным узором, который видевший его М. Е. Массон датирует временем около арабского завоевания или первыми веками после него.

Следует отметить также факт нахождения в 1927 г. в ближайших окрестностях Маргелана, в местности Ташлак (около шелкомотальной

[1] В. В. Бартольд. Туркестан..., ч. II, стр. 158.

[2] В настоящее время эта мечеть уже не существует. На ее месте построено маргеланское педагогическое училище.

фабрики), при разносе кургана в 200 м от старой городской стены, клада медных монет—дирхемов чекана династии Илеков. Дирхемы биты с именем Ибрагим Арслана хакана в Узгенте, в 570 г. х. (1174/1175 г. н. э.).[1]

Многие народные легенды связывают отдельные памятники Маргелана с именами различных исторических лиц. Так, например, одна из наиболее почитавшихся в прошлом святынь города, мазар Подшо Искандар Зулькарнайн, считалась местом погребения Александра Македонского. Об этой святыне упоминают Мир-Изатулла[2] и Ф. Назаров. Последний дает следующее описание этого мазара: «В средине города в виде открытого храма возвышается здание, внутри которого поставлено красное шелковое знамя. Кокандцы почитают оное священным, имея предание, что оно принадлежит падше Искандеру, который будто бы, по возвращении из Индии, умер в песках и похоронен в сем месте».[3]

Во время обследования в 1938—1939 гг. этот мазар, расположенный в центре города, неподалеку от колхозного базара, сильно отличался от описанного Ф. Назаровым. Почти все постройки, находившиеся на его территории, были недавнего происхождения. Само здание мазара было построено в начале XX в. из заводского жженого кирпича прямоугольной формы. По своей архитектуре оно не отличалось от обычных мазаров Маргелана этого времени. Это было небольшое квадратное в плане сосружение, с порталом, разбитым на плоские ниши, и с трехчетвертными колонками на углах (рис. 2). Во дворе мазара имелось несколько помещений, очевидно для многочисленных шейхов, раньше постоянно находившихся при мазаре. На наружной стене одного из таких помещений, на восточной стороне двора, под айваном имелась надпись-хронограмма на таджикском языке, гласившая:

منم اسکندر رو می بهیچ عا لم نگنجیدم ندا از حق نیا مد چو ن بیک
فر غا نه گنجیدم

بأن اسکند ریه دخمه ها برنام خود کردم بتقد یر خد ا درملک این فرغا
نه خفتید م

т. е.

Я, Искандар Румийский, не вместился ни в каком мире.
Пришел призыв от бога, и я вместился в одной Фергане.
В той Александрии я построил усыпальницы своего имени.
По предопределению божьему в этой Фергане я почил.

В конце этой надписи-хронограммы стояла дата 1134 г. х. (1721/1722 г. н. э.). По всей вероятности, это дата одной из перестроек мазара.

С запада к мазару прилегало большое медресе Подшо Искандар Зулькарнайн (во время обследования и в последующие годы здесь находилась артель Узхудожпромсоюза). Мазар был окружен стеной, отдельные части которой были построены не одновременно. В северной части имелся вход, оформленный входным помещением «дарвоза-хона» (рис. 2). По плану и оформлению оно очень близко к находившемуся во дворе мазару. Это такое же небольшое, квадратное в плане помещение, с порталом, разбитым на плоские ниши и панно. Различие лишь в пропорциях (дарвоза-хона ниже и шире) и в том, что портал дарвоза-хоны был украшен литыми полосами из ганча, которые позволяют датировать этот портал последней четвертью XIX в., более же поздний портал ма-

---

[1] М. Е. Массон, Монетные находки, зарегистрированные в 1930 и 1931 годах, Материалы Узкомстариса, в. 5, Ташкент, 1933, стр. 11, № 18.

[2] К. Риттер, Цит. соч., стр. 222.

[3] Ф. Назаров, Цит. соч., стр. 67. Как известно, Александр Македонский в Фергане не был. Крайним пунктом его экспансии на восток была Александрия Эсхата около или на месте современного Ленинабада (Ходжента).

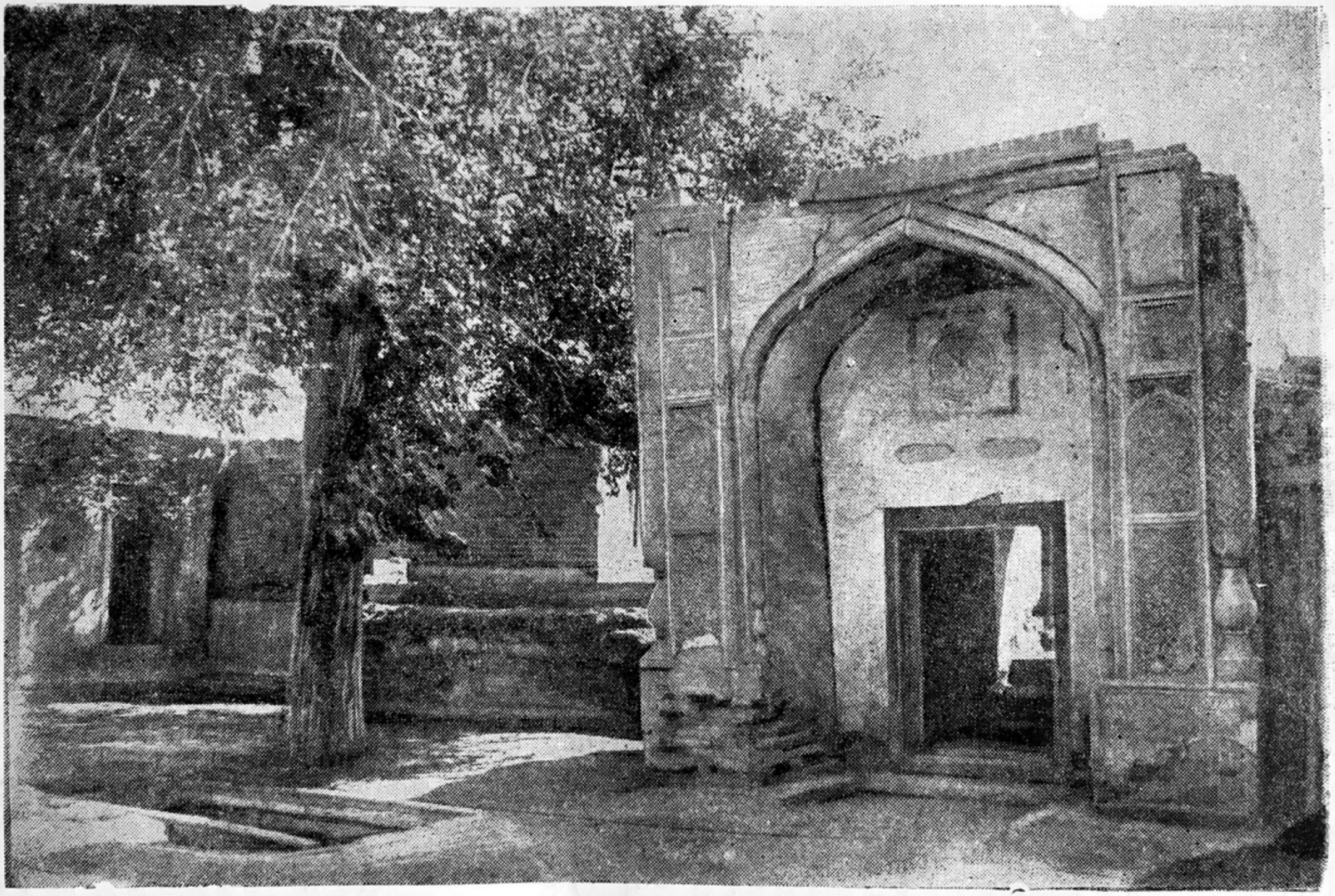

Рис. 2. Мазар Подшо Искандар Зулькарнайн в Маргелане. Оформление входа во двор. Вторая половина XIX в. Слева сквозь разрушившийся забор виднеется здание мазара

зара ганчевой декорации не имел. Наиболее старой являлась стоявшая еще в 1938 г., но разобранная в следующие годы восточная часть стены, окружающей двор мазара, сложенная из старого плоского жженого кирпича квадратной формы. Возможно, что она являлась частью постройки, дата которой (1721/1722 г.) была указана в приведенной выше надписи-хронограмме. Эта стена имела по углам невысокие круглые башни, фонари которых были украшены кирпичной рельефной орнаментацией (рис. 3).

Наряду с приведенной общераспространенной версией предания о том, что описанный мазар был построен над могилой Александра Македонского, существует и другая, менее популярная версия, согласно которой этот мазар был построен около 300 лет тому назад над могилой завоевателя Подшо Искандара (родом из Дарваза),[1] обширные владения которого якобы включали в себя на севере Фергану, а на юге Куляб и Кабул. Имя этого завоевателя с течением времени было заменено более популярным именем Александра Македонского, с которым в Средней Азии связано много легенд и преданий, и мазар стал называться мазаром Подшо Искандар Зулькарнайн (в местном произношении Зулькайнар)—царя Александра Двурогого, под каким прозвищем Александр известен в Средней Азии.

Постройку другого, также очень почитавшегося в Маргелане мазара—Кок-Мазар народное предание приписывает эмиру Тимуру. Название Кок-Мазар местные жители объясняют тем, что этот мазар якобы исцелял больных коклюшем детей. Коклюш — «синий кашель» таджикск. сулфан кабутак, узб. кук-ютал), по народному суеверию, излечивался прикосновением к исцеляющим синим или серым предметам, так же как, например, для излечивания желтухи рекомендовалось носить желтый камень (янтарь) или хотя бы обвязывать руку желтой ниткой, и т. п. Поэтому мазары, считавшиеся исцеляющими от коклюша, всегда имели какой-нибудь синий или серый предмет (например серый мрамор), прикосновение к которому, сопровождаемое принесением соответствующей жертвы, якобы излечивало больных. Поверье это было настолько сильно, что почти во всех населенных пунктах Средней Азии имелись такие специальные «коклюшные» мазары.

Согласно преданию, эмир Тимур, отправившись в длившийся 14 лет поход на Китай, проходил через Маргелан.[2] Здесь на месте нынешнего Кок-Мазара жил кузнец, изготовлявший подковы для лошадей. Тимур приказал ему подковать свою лошадь и так остался доволен качеством его работы, что потребовал, чтобы кузнец подковал всех лошадей его громадного войска. Кузнец справился с этой работой в одну ночь (для большего правдоподобия некоторые рассказчики приводили объяснение, что кузнец призвал многих помощников; другие утверждали, что он чудесным образом справился с этой работой один). Тимур отправился дальше, кузнец же вскоре умер. Возвращаясь из победоносного похода, Тимур опять проходил через Маргелан и спросил о кузнеце. Узнав о его смерти, он якобы построил на месте кузницы мазар. Имя святого кузнеца было Мулло Охун Мир-зода.

Действительная дата постройки мазара не установлена. Интересной

---

[1] Может быть, то же лицо, что Искандар Чубинапо, о котором говорит Н. А. Кисляков в своей работе «Очерки по истории Каратегина» (Л., 1941, стр. 86).

[2] Как известно, поход Тимура на Китай не осуществился: он был прерван в самом начале смертью Тимура в Отраре в 1405 г. Маршрут его проходил не через Фергану, а гораздо севернее.

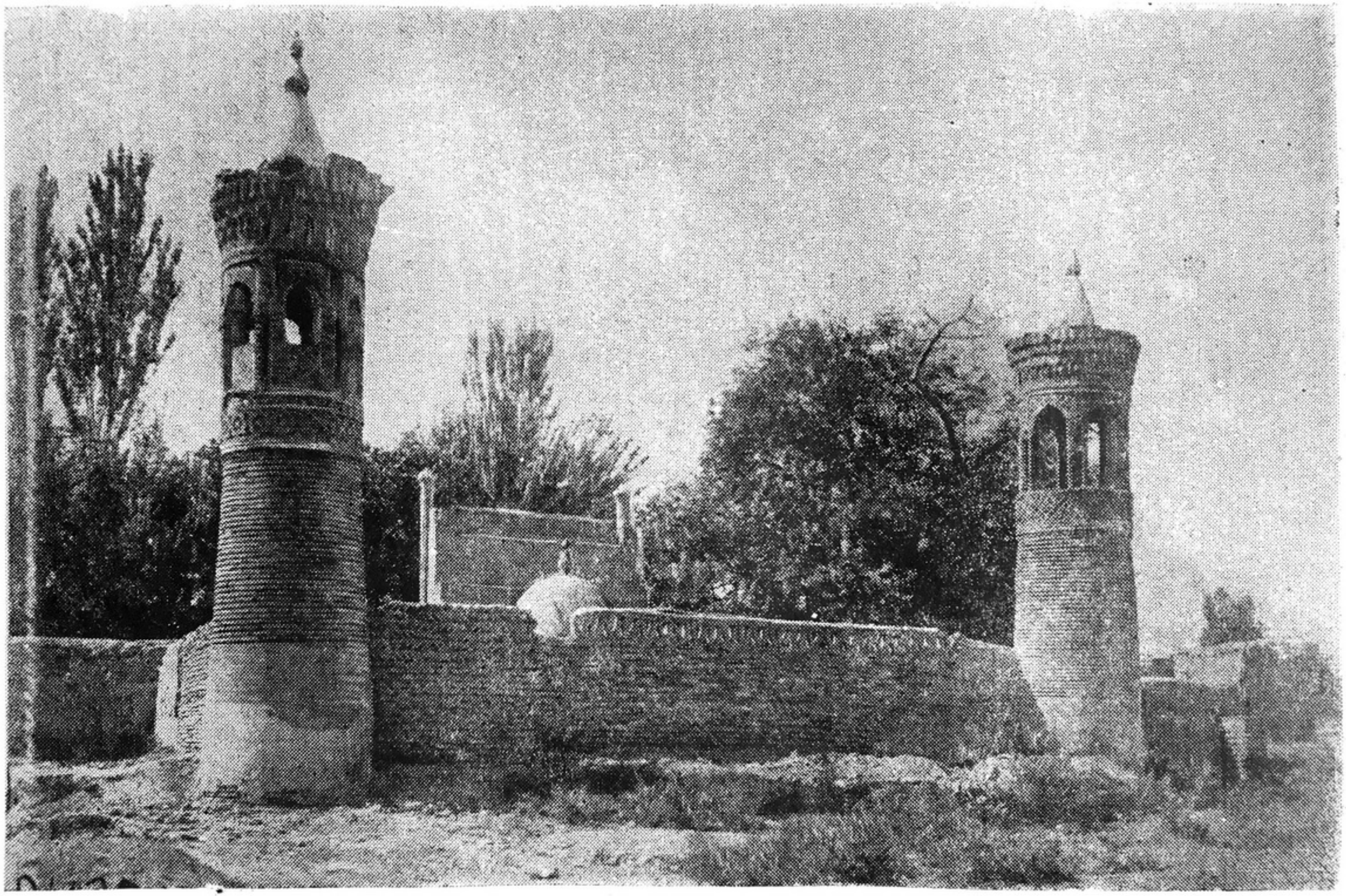

Рис. 3. Мазар Подшо Искандар Зулькарнайн в Маргелане. Наиболее старая, восточная часть стены, окружавшей двор мазара. XVIII в.

особенностью декорации портала над входом во двор является наличие в ней изразцов. Изразцами выложен тимпан над входной аркой и панно над тимпаном. Имеются еще изразцовые пояса на угловых трехчетвертных колонках портала. По преданию, портал над входной аркой первоначально (во время постройки его Тимуром) имел сплошную изразцовую облицовку, что и послужило якобы причиной названия его Кок-Мазаром, т. е. «синим» (или зеленым) мазаром. Первоначальная изразцовая облицовка сильно пострадала во время упоминавшегося выше землетрясения, происшедшего, по преданию, около 250 лет тому назад. После этого здание мазара не восстанавливалось до XIX в. Во второй четверти XIX в. отец Усто Юсуф-Али Мусаева, известный маргеланский каменщик и декоратор, уже упоминавшийся Усто Махмад-Муса получил от местного правителя приказание реставрировать портал. Он собрал имевшиеся не особенно многочисленные остатки изразцов и разместил их на портале и башенках так, как они расположены во время обследования и фотографирования, остальную же плоскость портала, соответственно декоративным приемам того времени, он разбил на ниши и панно, отделив их друг от друга белыми ганчевыми литыми орнаментированными дорожками. Верх портала украшен обычными для маргеланских мазаров ганчевыми решетками с геометрическим узором, а по самому краю фигурными зубцами (рис. 4).

Изразцы производят впечатление значительно более поздних, чем времени Тимура.

После описанного ремонта, произведенного усто Махмад-Мусой, портал над входом во двор мазара больше не реставрировался. Находившееся же во дворе небольшое здание самого мазара (в настоящее время не существующее) было реставрировано маргеланским мастером усто Хакимджаном Холматовым в 1329 г. х. (1911 г.). Оно было украшено большими резными ганчевыми панно, припорохи для которых были привезены усто Хакимджаном из Бухары.[1]

Относительно городских стен Маргелана мастер-строитель Ходжа-Али Салиев из квартала Чиль-духтарон сообщил следующее. Несколько сот лет назад Маргелан был сравнительно небольшим городом. Окружавшая его стена, возведенная около 300 лет тому назад, имела всего четверо ворот, обращенных по четырем сторонам света. Расстояние между противолежащими воротами было около 2 км. До сих пор среди населения сохранились воспоминания о местонахождении этой стены. С восточной и северной сторон она проходила по территории нынешнего урама Кзыл-Сокчи[2] в направлении от мазара Чиль-духтарон к махалле Бахрин (до бани около колхозного базара); оттуда поворачивала на запад, к махалле и мазару Машад—одной из древних святынь города,[3]

---

[1] Фото здания мазара и украшавших его ганчевых панно имеются в Узбекистанском музее искусств в Ташкенте (негативы экспедиции 1937 г.).

[2] Слово «урам» (в казанском اورام —как улица, Л. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, СПб, 1869) употребляется в настоящее время в Маргелане в значении части города. Употребление его в других городах Ферганы и Узбекистана в этом значении нам неизвестно.

[3] Местная легенда, записанная в Маргелане в 1937 г. руководителем экспедиции Узбекистанского музея искусств М. С. Андреевым, связывает этот мазар с именем известного автора Хидаи, шейха Бурхан-уд-дина Али (умер в 1197 г.). По словам Бабура, он родился в Риштане, но называл себя «Маргинани» — «маргеланцем». Это обстоятельство указывает на известность Маргинана в XII в., когда считаться маргинанцем было, повидимому, лестно (W. Barthold, Farghana, стр. 65). Еще в 1937 г. на мазаре стояла старая арча гигантских размеров, под которой якобы шейх Бурхан-уд-дин писал свою знаменитую Хидаю.

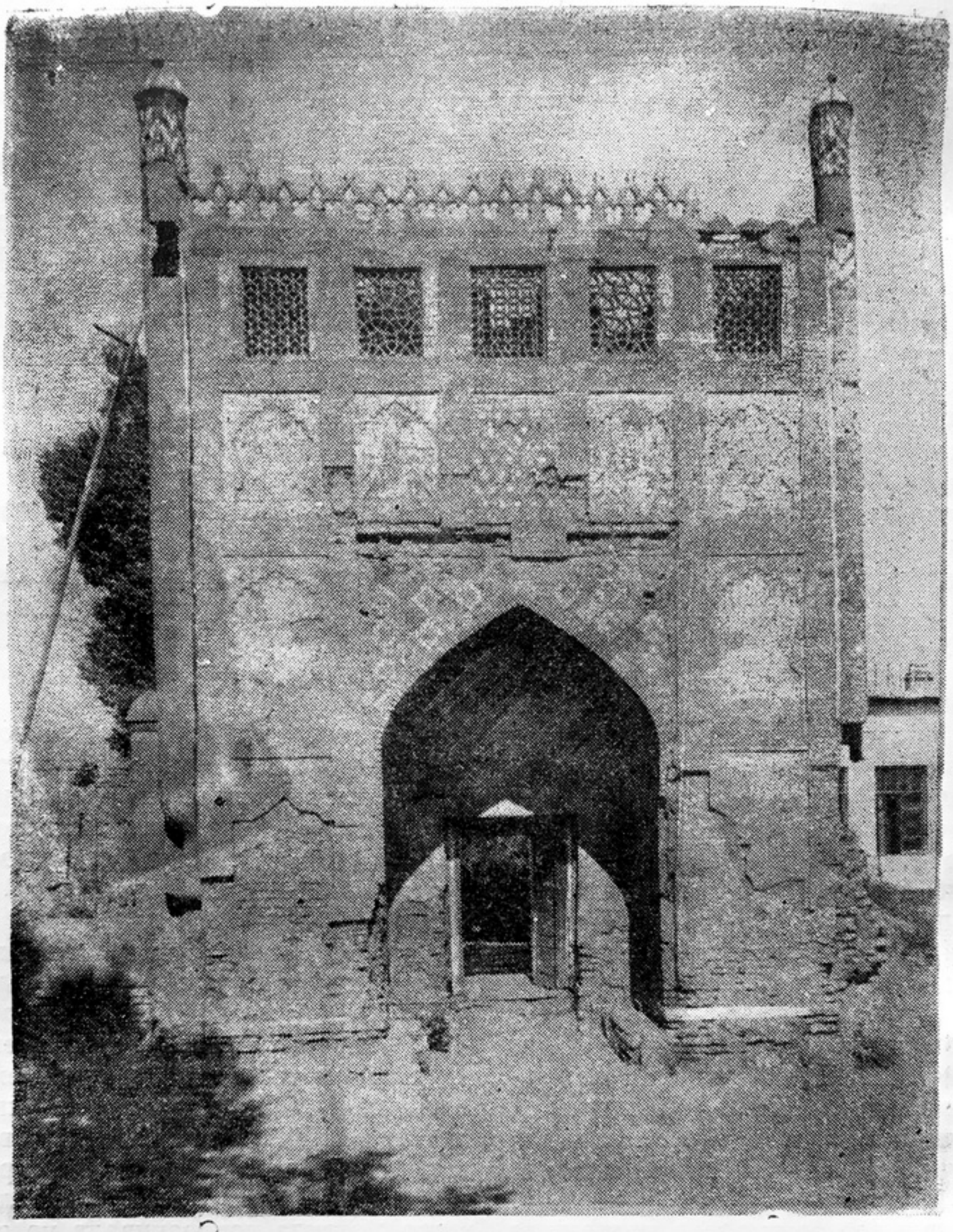

Рис. 4. Кок-Мазар в Маргелане. Портал над входом во двор.

затем шла к югу, к бане Каляндар-хана, расположенной у большой дороги от станции Горчаково к городу, и от нее опять к мазару Чиль-духтарон.

По словам стариков, остатки этой стены сохранились до настоящего времени только в одном месте, во дворе дома Юлдаш-ходжи Данияр-Ходжаева (урам Кзыл-Сокчи, участок № 66, дом № 20), где они были нами осмотрены в 1938 г. Как говорят, около 40 лет тому назад следы этих стен можно было видеть и в другом месте, во владении Мирза Саркара, около мечети Чиль-духтарон, но сейчас они там уже не сохранились.

По сообщению Ходжа-Али Салиева, эта старая городская стена,

называемая «кургонны дувалы», т. е. «стена кургана (крепости)», была первоначально высотой в 12 рядов битой глины (пахса),[1] а толщина ее у основания равнялась 3 м. С наружной стороны стены был ров (ур), следы которого во владении Юлдаш-ходжи различимы до сих пор. Сама же стена в этом владении, повидимому, является более поздней, так как толщина ее мало отличается от толщины обычных пахсовых стен.

С течением времени город разрастался, а стена разрушалась[2] и уже в начале XIX в. не сохранилась в сколько-нибудь удовлетворительном состоянии. Так, Мир-Изатулла сообщает, что глиняная стена, окружающая город, находится в плохом состоянии,[3] а Муртаза Фейза-уд-дин Марзян говорит, что Маргелан—«город без стены».[4] Требовалось возведение новой стены большего размера. Это было осуществлено, по словам усто Ходжа-Али, при Шер-Али-хане (1842—1845). Новая стена охватывала пространство настолько большое, что расстояние между противолежащими воротами ее было якобы около 8 км.[5]

Во второй стене имелось 12 ворот: 1) Маоз Ибни Джаббор (между станцией железной дороги и шелкомотальной фабрикой, 2) Надырмат, 3) Ташлак, 4) Хотун-арык, 5) Бахрин, 6) Гульчаман, 7) Машад, 8) Эшондарвоза, 9) Алты-арык-дарвоза, 10) Сар-мазор, 11) Сук-тепа и 12) Чимион.[6]

По словам Ходжа-Али, в юности принимавшего участие в ремонте второй городской стены, толщина ее у основания была около 2 м, а вверху около 70 см.[7] С наружной стороны был довольно крутой откос (яндама) и ров (ур). С внутренней стороны у стены проходила насыпь, называемая «шер-кургон», служившая для провозки и установки пушек.

Другой маргеланский мастер-строитель, усто Хаким-джан Холматов, сообщил, что, насколько он помнит, с внутренней стороны стены шла полоса галечника шириной в арбяную дорогу. По его мнению, она могла служить для предохранения от подкопа. Усто Ходжа-Али наличие такой полосы галечника отрицает. Остатки этой последней стены сохранились, по словам местных жителей, в нескольких местах, но осмотрены не были.

---

[1] Наименьшая высота одного ряда битой глины за последние десятилетия бывала около 30 см; раньше они обычно делались большей высоты, до 60-70 см.

[2] Ф. Назаров (Цит. соч., стр. 67), посетивший Маргелан в 1811 г., т. е. до возведения второй стены, определяет величину города «около 30 верст в окружности» и говорит, что город не имеет никаких укреплений.

[3] К. Риттер, Цит. соч., стр. 223,

[4] П. И. Небольсин, Цит. соч., стр. 350.

[5] Повидимому, эта цифра преувеличена. Однако и В. И. Масальский говорит, что Маргелан—«крупный туземный город.., славящийся... обширным базаром (длина его улиц $2^1/_2$ версты) и большими садами, среди которых местами сохранились остатки стен, некогда окружавших город». (В. И. Масальский, Туркестанский край, СПб., 1913, стр. 705).

[6] В 1951 г. В. Д. Жуковым был опубликован перечень старых Маргеланских ворот, записанный им в 1939 г. В этом перечне совпадают с нашими только четыре названия, из чего видно, что некоторые ворота носили по несколько названий (В. Д. Жуков, Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина, Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР, Ташкент, 1951, стр. 73).

[7] По сообщению 82-летнего ташкентского плотника Абду Маджида Мутализова (запись 1939 г.), ташкентская городская стена (қалани қўрғони) состояла из 15 рядов битой глины (пахса) и имела толщину у основания 8 м. Снизу, до высоты 3,5 м, она была сложена из комков сухой глины (кесак), а выше—из битой глины. В верхней части стены были бойницы (млтиқандоз), внизу, в башнях—помещения для оружия (қўрғонни джувохонаси).

АНДИЖАН

Второй крупный город Ферганской долины—Андижан.[1] Под именем Андукан он упоминается арабскими географами (Ибн-Хаукаль, Макдиси) уже в X в.[2] Позднее он, повидимому, был разрушен и потерял прежнее значение, так как источники говорят о его восстановлении в конце XIII в. монгольскими правителями Тува и Хайду, при которых он становится столицей Ферганы. Он был главным городом Ферганы и при Тимуридах (XV в.).[3] Бабур в своих записках говорит относительно размеров Андижана конца XV в., что в «Мавераннахре после Самарканда и Кеша нет кургана большего, чем этот. Он имеет трое ворот. В южной его части находится арк».[4] С XVI в., когда Фергана вошла в состав узбекского государства, Андижан иногда упоминается как резиденция многих мелких правителей из династии Шейбанидов. В XVII в. страной большей частью владели киргизские султаны. В это время значение Андижана было настолько велико, что название Андижан даже вытеснило собой слово «Фергана» для обозначения всей долины.[5]

Название Андижан В. П. Наливкин выводит от названия тюркского рода «анди».[6] Записанное нами местное предание приписывает основание города мифическому царю Афросиабу, якобы построившему его для своей дочери Одина-джон, искаженным именем которой город и называется.

Вследствие частых разрушительных землетрясений[7] в Андижане

---

[1] Интересно отметить несколько случаев применения этого названия в настоящее время и в прошлые века к различным населенным пунктам Средней Азии, причем оно встречается как в современной форме «Андижан», так и в более древних формах «Андиган» и «Андукан».

К. Андижан — Сарай-Камарский (теперь Кировабадский — *А. П.*) район Таджикской ССР (Список населенных пунктов Таджикской ССР, Сталинабад, 1932, стр. 64).

К. Андижан — Динауский район УзССР (Список населенных пунктов Узбекской ССР 1928 г., Самарканд, 1929, Сурхан-Дарьинский округ, стр. 7).

К. Андиган — Янги-Базарский (теперь Орджоникидзеабадский — *А. П.*) район Таджикской ССР (Список населенных пунктов Таджикской ССР, стр. 41).

С. Андукан — одно из селений Серахса, упоминаемое Самани в его «Китаб-ал Ансаб» (Материалы по истории туркмен и Туркмении, М. — Л., 1939, стр. 326).

Кроме того существуют еще селения:

Андижанлык—Шариханский район УзССР и Андижани—Юкары-Даргомский район УзССР (Список населенных пунктов Узбекской ССР 1928 г., Андижанский округ, стр. 11 и Самаркандский округ, стр 15).

[2] Здесь и ниже сведения об Андижане заимствованы из работ В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», «История культурной жизни Туркестана» и статьи «Farghana» и «Andidjan» в The Enc. of Islam.

[3] По словам Бабура (Бабур-наме, стр. 10), уже в его время (конец XV в.) в Андижане господствующим языком был тюркский В городе и на базаре не было человека, не понимавшего по-тюркски; говор населения совпадал с литературным языком, на котором написаны стихи Мир Алишера Навои. В то же время в других городах Ферганы, например в Маргелане, все еще говорили «по-сартски», что в то время значило «по-персидски» (W. Barthold, Farghana, стр. 65), т. е. по-таджикски.

[4] Бабур-наме..., стр. 10; Ba:bur-na:ma .., стр. 3.

[5] Как известно, пережиток такого понимания слова „Андижан" сохранился в термине „андижанлык", прилагавшемся за последние десятилетия в Восточном Туркестане ко всем жителям Ферганы. Это отражает большое торговое значение, которое имел Андижан для Восточного Туркестана.

[6] По его словам, наманганские жители до сих пор нередко называют андижанских узбеков именем «анди», причем утверждают, что они, анди, одного происхождения с теми тюрками, которые и поныне населяют город Туркестан и его окрестности (В. П. Наливкин, Цит. соч., стр. 6).

[7] По преданию, сообщенному Юсуф-Али Мусаевым, сильное землетрясение было в Андижане около 250 лет тому назад. В. П. Наливкин (Цит. соч., стр. 126) упоминает о необычайно разрушительном землетрясении, имевшем место в Фергане в 1822 г. (1238 г. х.). После известного землетрясения 1902 г. в городе почти не осталось неразрушенных зданий.

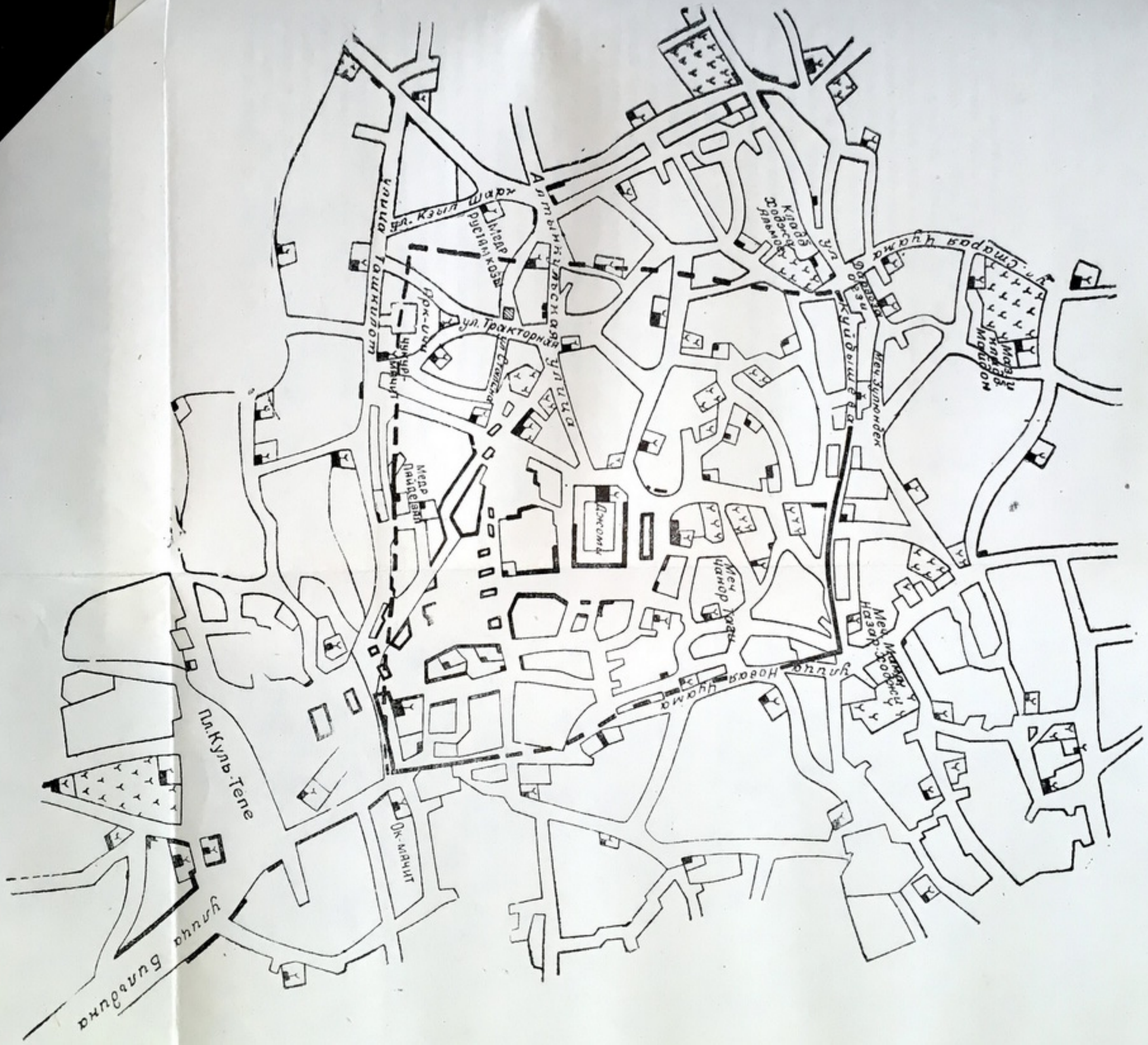

Рис. 5. План центральной части г. Андижана с нанесенной схемой расположения старой городской стены.

почти не сохранилось архитектурных памятников даже XIX в., не говоря уже о более старых. Однако народное предание сохранило до настоящего времени воспоминания о старых городских стенах и ряде древних сооружений, местоположение которых до сих пор указывается населением. Топонимика этих мест также нередко отражает связанные с ними предания.

В настоящее время последняя городская стена, возведенная, как можно судить по имеющимся данным, около середины XIX в., уже почти не сохранилась. Остатки ее удалось обнаружить в двух местах: на окраине большого, считающегося очень древним кладбища Бобо Сааддин и на окраине кладбища Шигоусун-Ата. В обоих местах сохранилась не сама стена, а лишь следы ее в виде невысокого широкого вала, за которым следует понижение—место окружавшего стены городского рва. Место прохождения этой стены показано на имеющемся в архиве андижанского горкомхоза плане города Андижана, составленном в 1881 г., когда городская черта проходила по этой стене. Позже городская черта была отодвинута дальше, а стена разрушилась. Однако восстановить место ее прохождения нетрудно, так как местность, прилегающая к этой городской стене, по всей ее окружности до настоящего времени называется стариками «кургон таги», т. е. «под курганом», «под городской стеной».

В Андижане были записаны многие предания и сообщения относительно не сохранившейся в настоящее время более старой стены Андижана, окружавшей площадь, значительно меньшую, чем стена XIX в. Согласно преданию, сообщенному усто Юсуф-Али Мусаевым, наиболее древней частью города является прямоугольник, стороны которого имеют протяжение около 1 км, расположенный между бывшей мечетью Окмачит на юго-востоке (на месте которой в настоящее время находятся входные ворота в Андижанский парк культуры и отдыха), кварталом Чувалячи на северо-востоке, кварталом Дарвоза огзи на северо-западе и кварталом Чукур-мачит на юго-западе (рис. 5).

При обследовании в натуре этого прямоугольника было установлено следующее. По восточной стороне его во время пробивки незадолго до Великой Отечественной войны улицы Новая Чуама рабочие на отрезке этой улицы, расположенном южнее пересекающей ее улицы Куйбышева, наталкивались на перемежающиеся слои гальки и лесса. Видевший тогда эти слои Юсуф-Али Мусаев сразу узнал в них остатки фундамента старой стены, обнаруживаемые населением и во многих других местах города.

По северной стороне прямоугольника известным в этом отношении среди населения местом является угол, образуемый северной стороной улицы Куйбышева и западной стороной улицы Новая Чуама. Здесь имеется возвышенная площадка, которая, по преданию, является северо-западным углом старого кургана. Отсюда стена поворачивала на запад. Действительно, при следовании от этого угла на запад по улице Куйбышева видно, что улица все время проходит по остаткам старого

вала. Владения, расположенные к северу от этой улицы, находятся гораздо ниже ее уровня. Неподалеку от улицы Новая Чуама по улице Куйбышева находится здание бывшей мечети Мама-Назар-ходжи. Сейчас же за ним находится переулок, круто спускающийся вниз к протекающему здесь арыку Дальварзин. Эта неровность рельефа обусловила разницу в высоте цоколя северной и южной стены мечети, которая составляет более 2 м. В следующих за этим переулком владениях № 5 и 7 по улице Куйбышева уровень дворов также значительно ниже уровня улицы. При входе с улицы Куйбышева во владение № 7 приходится спускаться по нескольким ступеням. По словам жителя этого квартала 75-летнего Худояра Зульпикарова (запись 1947 г.), нижняя часть наружной, граничащей с улицей стены этого владения состоит из описанных перемежающихся слоев гальки и лесса, которые в настоящее время скрыты штукатуркой. При дальнейшем следовании улицей Куйбышева на северной ее стороне выступающие около основания стен дворов слои гальки видны на протяжении многих десятков метров как вдоль стен частных владений, так и вдоль выходящей на эту улицу стены коконосушилки. На оси бывшей мечети Зулюнбек, около небольшой постройки, занятой в 1947 г. магазином, имелась яма, в обрезе которой ясно видны те же слои. Западнее, по той же улице Куйбышева, на северной ее стороне находится квартал Дарвоза огзи—«У ворот». На этом месте, по преданию, находились одни из ворот.

В квартале Дарвоза огзи, между протекающими здесь параллельно арыками—Дальварзин с юга и Ок-рабат с севера при постройке на этом месте в начале XX в. амбара при хлопкоочистительном заводе Ахмадбека Темирбекова остатки фундамента шириной 4,25 м («5 гязов») были обнаружены на большой площади (сообщение осуществлявшего эту постройку Юсуф-Али Мусаева).

Отходящая к северу от улицы Куйбышева улица Чуама, или Старая Чуама, раньше называлась Майдон-куча, т. е. «Улица-площадь». На этой улице, неподалеку от квартала Дарвоза огзи, был большой мазар и кладбище Майдон, которое, по преданию, расположено на месте бывшей площади (Майдон), находившейся перед воротами, т. е. перед кварталом Дарвоза огзи. В 1947 г. это место частично было занято огородами шелкоткацкой артели «Ватан учун».

Таким образом, на обследованном участке улицы Куйбышева, между улицами Новая Чуама (квартал Чувалячи) и Старая Чуама (квартал Дарвоза огзи) остатки старой стены прослеживаются почти непрерывно. По сообщению упомянутого 75-летнего Худояра Зульдинарова, в годы его молодости все это место было известно под названием «курвен таги» — «под курганом». Следовательно, мы имеем здесь такое же переживание этого названия, как и в описанном выше случае с последней городской стеной. Это переживание названия в топонимике представляется серьезным подтверждением широко распространенного среди населения толкования находимых остатков стен как остатков стен древнего Андижана.

От Дарвоза огзи старый вал, по сообщениям стариков, поворачивал к югу. Кладбище Ходжа Альмос, расположенное к западу от улицы, отходящей в южном направлении от Дарвоза огзи, считается лежащим уже за пределами старой стены.

На участке от кладбища Ходжа Альмос до Алтынкульской улицы место прохождения старой стены точно установить не удалось. Сообщения об остатках ее встречены южнее Алтынкульской улицы, на восточной стороне улицы Кзыл-шарк, соединяющей Алтынкульскую улицу с улицей Ташкилот. Здесь около 1910 г. были построены медресе и мечеть Рустам-козы (медресе не сохранилось, в помещении же мечети в 1947 г. находилась ткацкая артель). По воспоминаниям Юсуф-Али Мусаева, руководившего этой постройкой, подтвержденным сообщениями других стариков, во владении торговца обувью Юсуф-охун-ходжи каушфруша, прилегавшем с востока к участку медресе Рустам-козы, находились видимые издалека остатки старой стены, поднимавшиеся, по определению стариков, «наравне с тополями». Стена эта якобы также состояла по всей своей высоте из слоев гальки и лесса. Юсуф-Али Мусаев, родившийся в 1870 г., в молодости слышал, что место вдоль прослеженной западной стороны описываемого прямоугольника также называлось «кургон тати».

С южной стороны свидетельством о месте прохождения старой стены может служить упомянутая мечеть (и квартал) Чукур-мачит. Чукур-мачит значит «глубокая мечеть», «мечеть в яме, углублении». Мечеть действительно располагалась в низком месте. При осмотре этого места в 1946 г. мечети здесь уже не было. В нескольких десятках метров к северу от места, где она стояла, местность значительно повышается. По-видимому, мечеть была расположена под старой стеной, с наружной ее стороны.

Наконец, последним пунктом, указывающим прохождение стены с южной стороны прямоугольника, является место, на котором стояло ныне не сохранившееся медресе с несколько странным на первый взгляд названием «Пайдевол», что значит «фундамент». В свете всего сказанного выше название это вполне понятно: медресе получило его потому, что было построено на месте, где проходил фундамент старой стены. Это подтверждается и рассказами стариков.

Таким образом, даже при беглом сборе сведений о стене, окружавшей старый «курган», удалось найти следы этой стены во многих местах, и мы можем с достаточной долей уверенности судить о местоположении, форме и размерах окруженной ею части города.

Как упоминалось при описании отдельных осмотренных участков стены, всюду она состоит только из слоев галечника и лесса.

По распространенному среди андижанцев представлению, описанные перемежающиеся слои лесса и галечника получались в результате трамбовки их, причем во время работы возводимая стена якобы поддерживалась с боков установленными на это время досками.[1] Очень

---

[1] Сведения об аналогичном способе возведения стен забиванием глины между двух укрепленных досок, иногда покрытых резьбой, записаны мной со слов покойного кокандского мастера-строителя усто Умарджана в отношении жилой архитектуры Кульджи.

распространенным является также представление о том, что указанная техника является китайской и что эта стена была возведена китайцами.[1]

Едва ли возможно на основании имеющихся пока в нашем распоряжении данных высказать определенное мнение о времени первоначального сооружения описанной стены. Это может быть установлено только археологическими исследованиями. Однако представляется вполне вероятным, что эта стена окружала старый андижанский курган, о котором говорит Бабур. Народные предания помещают древний Андижан только здесь. На территории города или около него нет другого места, которое считалось бы местонахождением Андижана в какой-нибудь период времени. Именно на описанной территории помещает предание все старые постройки, и здесь были сделаны немногочисленные пока находки остатков старых зданий.

Как упомянуто в приведенном выше тексте Бабура, андижанский арк находился в южной части кургана. В соответствии с этим в юго-западном углу описанного выше прямоугольника находится квартал, сохранивший до последнего времени название «Арк-ичи», т. е. «Внутренность арка». Местное население считает его территорией первой цитадели города, построенной якобы мифическим основателем города—царем Афрасиабом. В квартале по ул. Сталина, смежном с б. кварталом Арк-ичи, имеется резкое понижение местности, которое, повидимому, является северным краем возвышенной площадки арка (или толстой стены, окружавшей его). Владение без номера, отведенное в 1938 г. Абду Джаббару Нишанову, расположено намного ниже соседнего владения, прилегающего к его владению с юга, со стороны внутренней части квартала Арк-ичи. Это владение возвышается над владением Нишанова на 4—5 м почти отвесно в виде обреза (рис. 6). Нижняя часть об-

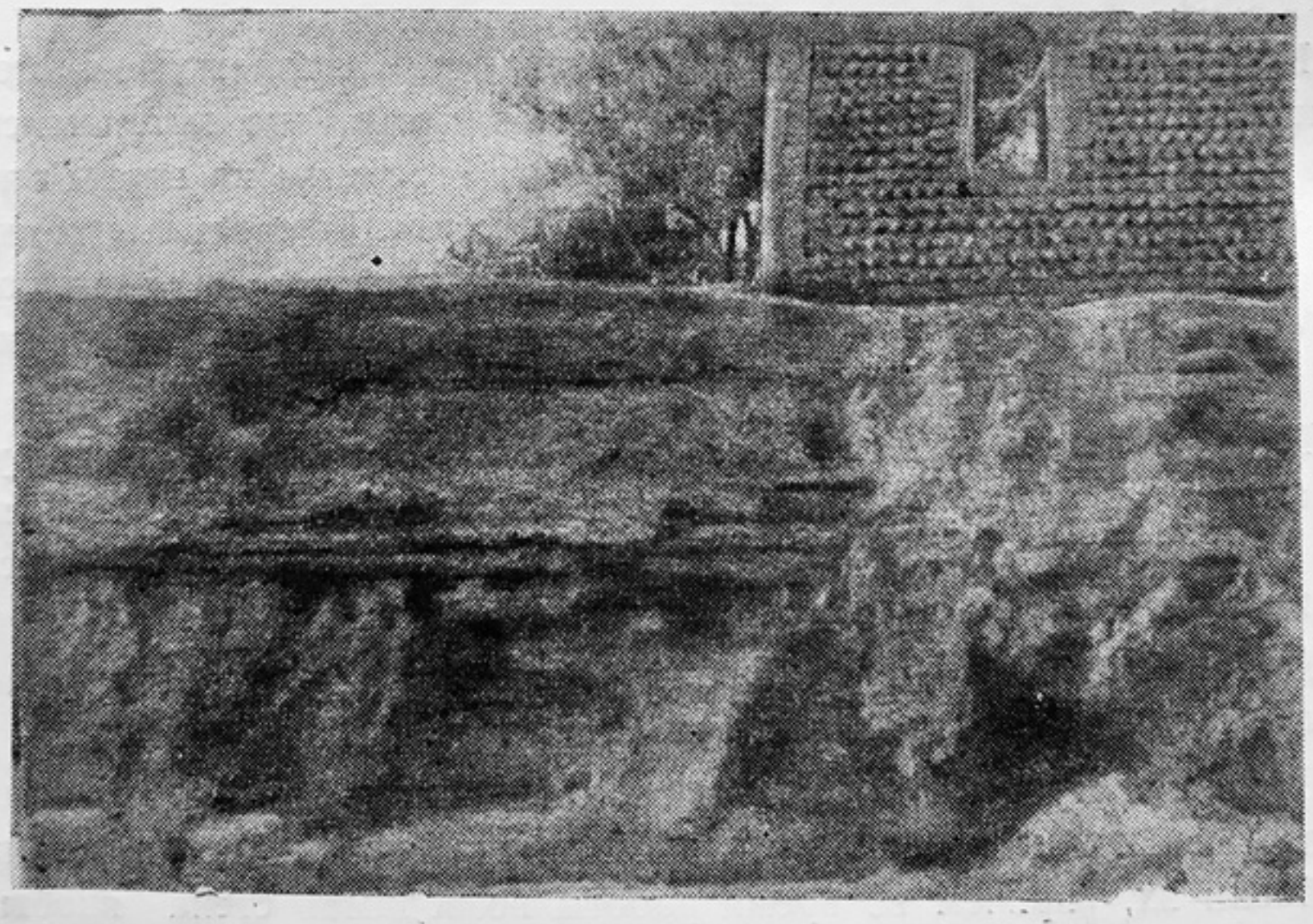

Рис. 6. Остатки старинного вала во владении Абду-Джаббара Нишанова в Андижане.

---

[1] В Андижане сохранились многие предания, в которых отражено пребывание китайцев в этом старом ферганском городе. Некоторые из этих преданий связаны с названиями имеющихся в городе арыков или находящихся в окрестностях города селений и местностей.

реза состоит из лесса, в котором имеется много черепков, главным образом толстых, повидимому от хумов (больших корчаг). Наряду с ними попадаются в меньшем количестве черепки тонкой поливной и неполивной посуды.[1] Местами видны следы огня, зола и угли. Над лессом земля лежит описанными выше перемежающимися слоями гальки и лесса, около 10 см каждый слой.

Владение Нишанова выходит длинной стороной на улицу Сталина, упирающуюся западным концом в Тракторную улицу. Возвышенность тянется вдоль южной границы владения Нишанова и его соседей на протяжении нескольких десятков метров, почти точно с востока на запад, параллельно улице Сталина. Она пересекает Тракторную улицу, и в этом месте сохранилось соответствующее значительное понижение улицы. Несколько севернее этого понижения, на западной стороне Тракторной улицы, находится большая впадина прямоугольной формы, длина каждой стороны которой равна нескольким десяткам метров, а глубина в 1947 г. достигала около 1,5 м. Дно этой впадины использовалось под посевы.

По преданию—это хауз царя Афрасиаба или, по другим сообщениям, его дочери Одина-джон. Он известен также под названием Булгорхоуз. По воспоминаниям стариков, лет 60 тому назад эта впадина имела глубину 4—5 м и в ней стояла подпочвенная вода.

По сообщению нашего главного информатора по Андижану усто Юсуф-Али Мусаева, во время постройки около 1910 г. под его руководством мечети при медресе Рустам-козы, находящемся неподалеку от квартала Арк-ичи, к западу от него, на территории, также входящей в описанный прямоугольник, мастерами были обнаружены остатки какого-то древнего сооружения. При выкладке фундамента для одной из стен зимнего помещения мечети мастера натолкнулись на пустоту. Оказалось, что как раз под возводимой стеной находилась вершина купольного свода какого-то квадратного подземного помещения, высота которого от пола до вершины свода равнялась приблизительно 3,5 м («пяти шариатским гязам»),[2] а размер около 2,6×2,6 м («около 4×4 шариатских гяза»). Поставив лестницу, мастера спустились вниз. В одном из углов лежала куча черепов (около трех десятков) различной величины. На нескольких из них имелись проржавленные железные обручи, высотой около 7 см и толщиной около 0,5. Захватив с собой два черепа, мастера поднялись наверх. Один из черепов был очень велик. По мнению осматривавших, он принадлежал какому-нибудь богатырю («пахлявон»),[3] второй был небольшого размера, повидимому женский, с хорошо сохранившимися зубами.

Опасаясь, что известие о нахождении обнаруженного помещения под стеной мечети может вызвать среди верующих сомнения относительно возможности возведения ее на этом месте, мастера условились молчать о своей находке и, заложив отверстие, продолжали постройку. Здание бывшей мечети Рустам-козы сохранилось до настоящего времени,

---

[1] М. Е. Массон, любезно осмотревший некоторые из подобранных мною черепков, ориентировочно датировал их XII—XIII вв.

[2] Шариатский гяз равен приблизительно 67 см.

[3] Для характеристики прочности и распространенности демонологических верований и представлений в то время даже в такой сравнительно интеллигентной среде, какой являлись квалифицированные мастера, мужчины, можно упомянуть о серьезно высказанном одним из них предположении о принадлежности осматриваемого черепа дэву (демоническое существо). Это предположение обсуждалось и было отвергнуто лишь на том основании, что, по местным представлениям, дэв имел рога, а на черепе следов их не было обнаружено.

и усто Юсуф-Али полагал, что сохранилось и находящееся под ним, подземное помещение.

Местом, с которым народное предание связывает воспоминания о многих старых сооружениях, является территория андижанской соборной мечети Джоми и прилегающего к ней здания б. большого медресе, известного под названием «Катта-мадраса», т. е. «Большое медресе», или медресе Махмуд-Али Бойбача (по имени строителя). Это место находится в центре города, у современного базара в пределах описанной выше старой городской стены. Согласно преданию, на этом месте сменилось последовательно семь построек. В памяти населения, однако, сохранились не все постройки. Приведем те сообщения, которые нам удалось записать, главным образом со слов Юсуф-Али Мусаева.

Наиболее древней из бывших здесь построек считается мечеть Намозго (в местном народном произношении Номозгякь), или Хаит, в которой в годовые мусульманские праздники рамазан и курбан, называемые в Фергане «хаит», совершался праздничный намаз («хаит-номоз»). Площадь двора этой мечети была очень велика: она достигала, по словам стариков, 30—40 танапов.[1] Площадь двора последней выстроенной на этом месте в конце XIX и начале XX в. соборной мечети Джоми и медресе Махмуд-Али Бойбача занимала только часть этой территории, всего около 14 танапов. Входные ворота, ведущие во двор старой соборной мечети, находились якобы около нынешнего квартала Чанор-таги, расположенного к северо-востоку от медерсе Махмуд-Али Бойбача, также в пределах описанной выше старой городской стены.[2]

Упомянутая мечеть Намозгох, повидимому, неоднократно перестраивалась. Последнее ее здание находилось, по преданию, на месте позднее выстроенного минарета при соборной мечети и медресе Махмуд-Али Бойбача. Это была постройка без фундамента, со стенами, выложенными из сырцового кирпича, с внутренней стороны которых имелся ряд деревянных стоек, входивших своими концами в балки верхней и нижней обвязки. В основании стен, под прямоугольной рамой нижней обвязки, сделанной из арчи, был небольшой цоколь во всю толщу стен, выложенный из одного ряда булыжника и положенных на него двух рядов жженого кирпича. План этой мечети в воспоминаниях стариков не сохранился. Во второй половине XIX в. эта мечеть уже не существовала, и праздничные намазы совершались в это время сначала в большой мечети, называвшейся «Чунтак-мачит», т. е. «Мечеть в закоулке» (располагалась неподалеку от упоминавшейся мечети Ок-мачит, около нынешней площади перед зданием Андижанского городского совета), а потом в мечети при медресе Хольбека Кушбеги. Вновь выстроенное медресе называлось сначала по названию мечети, на месте которой оно было выстроено— «Чунтак-мадраса», позднее же его начали называть «Катта-мадраса»,

---

[1] Танап – мера земли, равная 3600 квадратным шариатским гязам (гяз равен 67 см), т. е. около $^1/_6$ га.

[2] Во времена Бабура соборная мечеть Намозгох была за пределами кургана (Бабур-намэ..., стр. 23, 24, 25; Ba:bur-na:ma..., стр. 29—31). Возможно, что она находилась в северной части современного города Андижана. Здесь, на отходящей к северу от улицы Куйбышева улице Старая Чуама, несколько севернее известного кладбища и мазара Бобо Таваккаль, упоминаемого под этим же названием Бабуром (Бабур-намэ.. , стр. 134; Ba:bur-na:ma..., стр. 168), имеется открытая площадка, на которой, по сохранившимся преданиям, раньше стояла соборная мечеть. Она разрушалась давно. Родившийся в 1870 г. Юсуф-Али Мусаев в детстве видел эту площадку в таком же виде, что и сейчас, без всяких остатков построек. До революции в годовые мусульманские праздники рамазан и курбан прихожане окрестных 15—20 квартальных мечетей собирались сюда для совершения праздничного намаза.

т. е. «Большое медресе». В конце XIX в., после постройки значительно большего по размеру медресе Махмуд-Али Бойбача, название «Катта-мадраса» перешло к нему.

Западнее мечети почва опускалась, образуя низину. Согласно преданию, к юго-западу от тогдашней мечети, в низине, известным Ходжа-Ахраром было выстроено хонако.

Во второй половине XIX в. на месте разрушившегося последнего здания мечети Намозго, т. е. на месте, лежащем к востоку от ныне стоящего минарета,Насриддин-беком, сыном Худояр-хана, были выстроены арсенал (кур-хона), пороховой завод (дору-хона) и помещение для солдат (аскар-хона).[1] После занятия Андижана русскими постройки, возведенные Насриддин-беком, были использованы в качестве казарм для русских солдат, а также были возведены различные дополнительные постройки, в том числе церковь, новые казармы и пр. Новые казармы находились на месте фасада сохранившегося до настоящего времени бывшего медресе Махмуд-Али Бойбоча.[2]

Через некоторое время представители местного духовенства обратились к генералу Черняеву с просьбой разрешить построить на этом месте соборную мечеть и медресе. Разрешение было дано, и в 1885 г. (в 1301 г. х.) начались работы по постройке мечети, а в 1886 (1302 г. х.)—минарета и медресе.[3]

Строителем медресе, так называемым «бони», финансировавшим это строительство, считается богатый андижанский бай Махмуд-Али Бойбача. Однако задача его была значительно облегчена большим притоком пожертвований от верующих, как денежных и натуральных

---

[1] К сожалению, остались невыясненными обстоятельства этой постройки, в частности, как был обойден запрет на возведение светских сооружений на территории бывшей мечети. Как известно, по шариату, „мечеть ни в коем случае не может стать снова собственностью лица, ее основавшего. Если местность, в которой выстроена мечеть, придет в запустение или станет необитаемой, так что мечеть не будет больше выполнять своего назначения, потому что никто не станет являться в нее для совершения богослужения, то тем не менее она продолжает существовать как мечеть..." (Хидая, Комментарии мусульманского права. Перевод под ред. Н. И. Гродекова, т. II, Ташкент, 1893, стр. 159).

Среди среднеазиатских мусульман мечеть „от глубины земли до высоты небес" считалась „вечным божьим вакфом", (вакф-улло), который никто никогда не может использовать для своих личных нужд. „Давай богу, но не бери от бога",—таков был основной принцип, определявший отношение к мечети и ко всякому другому «божьему вакфу». Этот принцип соблюдался верующими буквально. Поэтому в старом быту люди избегали строить свои жилища близко около мечети из опасения. как бы во двор жилища случайно не попал занесенный ветром лист с дерева, растущего во дворе мечети, или кусочек штукатурки и т. п. Это, как верили, должно было принести дому несчастье. Такое же отношение существовало и вообще ко всякой вакуфной земле. Она считалась вредящей, приносящей несчастье дому, в который попала, хотя бы помимо воли и ведома его хозяина (в противоположность земле с мазара, которая считалась благословенной, приносящей благополучие). В Бухаре (сообщение усто Ширина Мурадова) существовало поверье, что если кто-нибудь желает принести другому человеку вред, то ему следует взять немного вакуфной земли и рассыпать ее по крыше дома этого человека. После этого в таком доме не оставалось «ни добра, ни благодати» и все в нем шло прахом.

Это отношение верующих к вакуфной земле было в начале коллективизации использовано реакционными элементами в Средней Азии для агитации против вступления в колхозы. Говорили, что дело в них не может пойти хорошо, так как в состав колхозных полей входят и вакуфные земли.

[2] Они отмечены на плане г. Андижана, составленном в 1881 г., т. е. до начала постройки соборной мечети и медресе Махмуд-Али Бойбача. Этот план в 1939 г. хранился в архиве андижанского городского отдела коммунального хозяйства.

[3] В это время здесь не было никаких древесных насаждений. Большие чинары, до последних лет украшавшие это место, были посажены частью в 1887 г., частью—в 1903.

(скот, хлеб для питания работающих), так и в виде бесплатных рабочих рук. Жители ближних и дальних окрестных селений поочередно приходили на строительство и работали безвозмездно, получая от бая только пищу (как это имеет место при обычной в Средней Азии «помочи», называемой в большинстве районов «хашар»), а порой пригоняя с собой и скот для своего пропитания.[1]

Как уже упоминалось, местность, находившаяся к западу от старой мечети Намозгох, сильно понижалась. Понижение это было настолько велико, что росшие внизу талы своими разветвлениями доходили только до основания стен построек Насриддин-бека. Но так как расширение территории, отводимой под месть и медресе, было возможно только в этом, западном направлении, то решено было произвести переброску земли с места, занимаемого ранее старой собраной мечетью, а потом постройками Насриддин-бека и русских военных частей, в лежащую западнее низину. Был снят и переброшен громадный пласт земли (обстоятельство, которое нужно будет учитывать археологам, когда они будут производить на это месте археологические изыскания). О масштабе проведенных работ можно судить по тому, что осуществление их заняло около 2 месяцев при 500—600 рабочих ежедневно и при одновременном участии приезжавших из кишлаков, также в порядке «помощи», еще около 200 арб,[2] совершавших по 30—40 рейсов в день каждая. Но даже и после окончания работ уровень земли в восточной части участка, около фасада медресе, остался выше уровня земли в западной части, перед айваном мечети, на двадцать два ряда кладки старого плоского квадратного кирпича.

На насыпанной площадке была построена мечеть в виде громадного вытянутого многоколонного портика, с небольшим зимним помещением посредине (рис. 7). Можно предположить, что андижанская соборная мечеть создавалась в подражание кокандской соборной мечети (рис. 8), от которой она отличается только меньшим числом колонн.

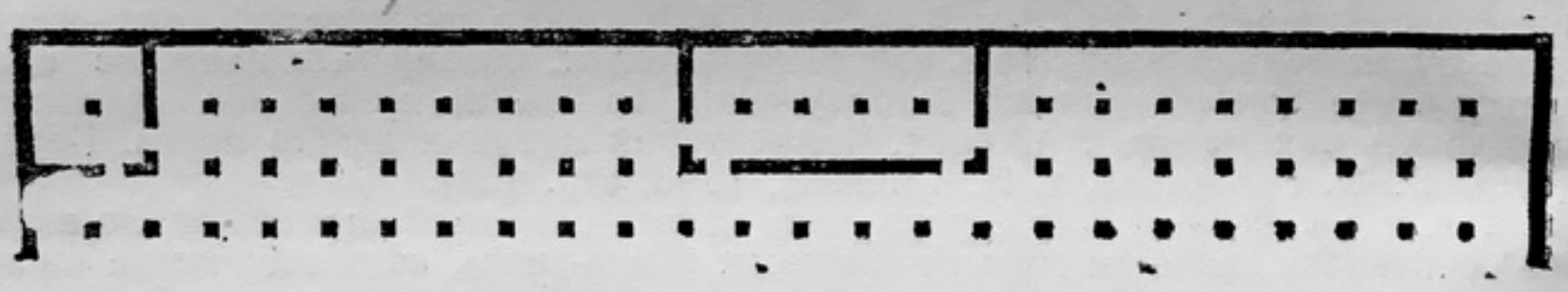

Рис. 7. Схема плана андижанской соборной мечети, построенной в последних годах XIX в.

При поднятии уровня части участка пришлось разобрать находившееся здесь хонако Ходжа-Ахрара вплоть до фундамента. Мечеть же была построена таким образом, чтобы место, занятое раньше хонако, непосредственно примыкало к южному крылу ее айвана, и на нем было

---

[1] Такое явление в Средней Азии не было редкостью. Нами записаны, например, в сел. Нур-Ата Самаркандской области рассказы о том, как некий бай, не особенно богатый, решил прославиться постройкой большой мечети. Умело играя, при помощи духовенства, на религиозном чувстве и невежестве верующих, он сумел собрать на постройку мечети капитал, значительно превышавший необходимый, ловко пустил его в оборот и в результате не только не понес издержек при постройке мечети, якобы сооруженной на его средства, но и изрядно нажился на этом деле.

[2] Это были арбы, называемые «акдарма шоты», с которых погруженная на них земля высыпалась через открытую заднюю часть (перед и бока имели невысокие стенки из досок) посредством опрокидывания кузова, что значительно ускоряло работу.

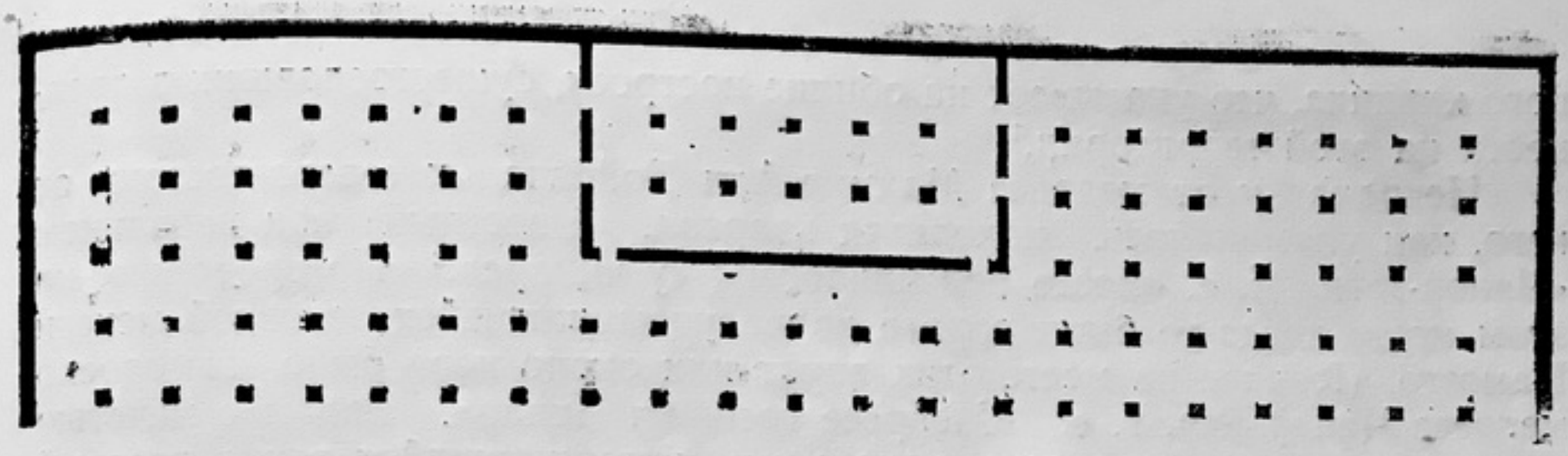

Рис. 8. Схема плана кокандской соборной мечети, построенной в первой четверти XIX в.

построено отдельное помещение, выходящее дверьми на этот айван. Это помещение использовалось в качестве аудитории (дарс-хона) медресе Махмуд-Али Бойбача. Всего в этом медресе было пять аудиторий: четыре — по углам двора (одним из них являлось упомянутое помещение на месте бывшего хонако Ходжа-Ахрара, прилегающее с юга к айвану мечети) и пятая — в одной из дарвоза-хона (помещение при входе во двор). Соответственно этому в медресе имелось пять мударрисов. Вдоль стен двора были построены кельи (худжра) для студентов. После постройки медресе при мечети последняя получила название Джоми — Соборная мечеть.[1]

Для осуществления упомянутой громадной стройки были приглашены мастера Андижана, Маргелана, Коканда и других городов Ферганы. Руководил работами известный андижанский мастер-строитель второй половины XIX в., усто Иса-хан, старший брат усто Юсуф-Али Мусаева. Последний, бывший тогда мальчиком лет четырнадцати, тоже принимал участие в этой стройке — первой большой стройке, на которой он работал. Строительство продолжалось с небольшими перерывами в течение 17 лет. Последние отделочные работы (украшение изразцами верха минарета и пр.) не были еще вполне закончены, когда произошло известное своей разрушительностью андижанское землетрясение 1902 г. Заканчиваемые постройки очень от него пострадали. В частности, например, обрушился сталактитовый изразцовый фриз фонаря минарета. Осколки его можно и теперь еще найти неглубоко в земле вокруг минарета.[2] Исправление разрушений заняло еще несколько лет и было осуществлено Юсуф-Али, из которого к этому времени выработался уже самостоятельный хороший мастер.

При сооружении на описываемой территории всех упоминавшихся построек почти совершенно не приходилось изготавливать новый жженый кирпич, так как каждый раз на постройку использовался старый кирпич, полученный от разборки ранее существовавших на этом месте зданий. И даже в настоящее время, после того как масса имевшегося кирпича была использована на постройку соборной мечети, минарета и громадного медресе, находимые при рытье различных ям остатки древних сооружений время от времени дают еще некоторое количество жже-

---

[1] По словам андижанцев и кокандцев, название «джоми» прилагается ими к соборной мечети только в случае наличия при ней худжр и медресе.

[2] Сообщение Юсуф-Али Мусаева. См. также статью без подписи «Андижанские впечатления. У развалин», «Туркестанские ведомости», № 100, от 15 декабря 1902 г., где говорится: «Великолепный минарет перед этой мечетью (Джами—*А. П.*) пострадал; верхняя часть его, род кирпичной беседки с изразцовыми узорами и надписями, сброшена на землю и разбита на куски; компактная, суживающаяся кверху масса минарета дала трещину».

ного кирпича, что указывает на обилие построек, существовавших в древности на этой территории.[1]

Неподалеку от медресе Махмуд-Али Бойбача к северо-востоку от него, как упоминалось, находится квартал, известный под названием «Чанор-таги», т. е. «место под чинаром», «у чинара».[2] По преданию, на этом месте когда-то были ворота двора упоминавшейся древней мечети Намозго. Позднее на месте этих ворот или около него было выстроено медресе Чанор-оим, т. е. «Медресе госпожи Чинар». Рядом с мечетью этого медресе, по преданию, находился упоминавшийся выше древний минарет, построенный Кзыл-Арслан-ханом и разрушившийся во время упомянутого сильного землетрясения, происшедшего якобы 250 лет тому назад, т. е. в самом конце XVII или в начале XVIII вв. Возможно, что это было несколько неточно определенное во времени народным преданием чрезвычайно разрушительное землетрясение, происшедшее в Фергане в 1030 г. х. (1620—1621 г. н. э.), описание которого в округе Ахсы дано Мухаммед Тахиром, сыном Абд-ул Касыма, в его географическом труде «Аджаиб ул-табакат».[3] С другой стороны, не исключено, что приведенным преданием зафиксировано другое, более позднее, землетрясение в Фергане, так как народное предание чаще преувеличивает время, истекшее после того или иного события, а в данном случае имеет место уменьшение его более чем на 80 лет.

Во время постройки в конце XIX в. упомянутых соборной мечети, минарета и медресе мастера, принимавшие участие в постройке, при рытье ям для замешивания глины и канав для выкладки фундаментов нередко находили в земле закругленные с одной стороны кирпичи, которые они относили к старому минарету, а также куски разных терракотовых облицовок без поливы, принимавшиеся ими за фрагменты облицовок медресе Чанор-оим. Три таких фрагмента были переданы нам нашедшим их Юсуф-Али Мусаевым (рис. 9—10).[4] По определению М. Е. Массона, они относятся к концу XII или к самому началу XIII вв. и, как можно думать, вероятнее всего принадлежали минарету или соборной мечети — наиболее старым постройкам, помещаемым преданием на этом месте.

Такая датировка этих образцов, являющихся, несомненно, остатками облицовки какого-то монументального здания, содержит в себе указание на существование на этом месте достаточно большого населенного пункта еще в XII в.

Новый город Андижан расположен к югу от описанного старого города, на месте бывшего кишлака Хакян (в местном произношении Хокян),

---

[1] Например, как любезно сообщил нам руководитель учреждения, находящегося в настоящее время в помещении бывшей соборной мечети, в 1943 г. при рытье глубокой ямы в нескольких десятках метров к востоку от южного крыла айвана мечети копавшие наткнулись на глубине 8 м на кирпичную кладку из плоского жженого кирпича квадратной формы. Из небольшой сравнительно ямы было выбрано столько кирпича, что его хватило на сооружение какой-то хозяйственной постройки. Обратило на себя внимание хорошее качество этого кирпича, его способность выдерживать высокую температуру. Из него оказалось возможным изготовлять керамические кружки для электрических плиток, на что обычный жженый кирпич совершенно не годится, так как не выдерживает жара спирали.

[2] Как пояснил нам рассказчик, это название связывается не с чинаром, а с медресе Чанор-оим; но последнее название, несомненно, первоначально было както связано с чинарами.

[3] В. В. [я т к и н], Ферганское землетрясение 280 лет тому назад, «Туркестанские ведомости», № 102, от 22 декабря 1902 г.

[4] В настоящее время эти фрагменты находятся в археологическом кабинете исторического факультета Среднеазиатского государственного университета (инв. № 21).

Рис. 9. Фрагменты терракотовой облицовки, найденные на территории, прилегавшей к андижанской соборной мечети.

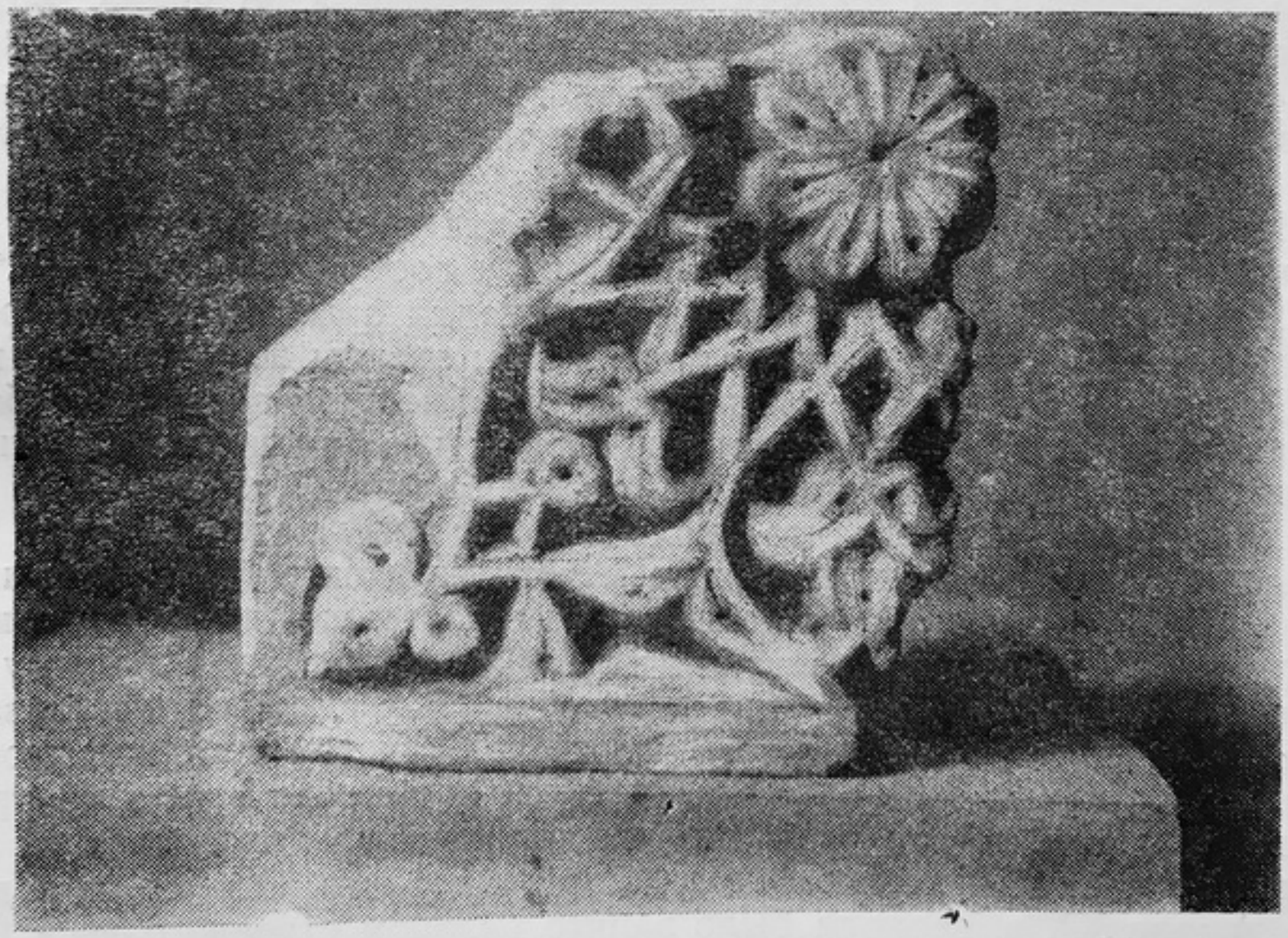

Рис. 10. Фрагмент терракотовой облицовки с территории, прилегавшей к андижанской соборной мечети.

частиччо сохранившегося и до настоящего времени. Хакян, по преданию, был основан китайским военачальником и заселен людьми китайского хакана приблизительно в то же время, что и Андижан.

Название Хакян упоминается Бабуром в его записках, но он говорит не о кишлаке, а только о большом и глубоком арыке Хакян, проте-

кающем к югу от Андижана,[1] а также о воротах Хакян в андижанском «кургане».[2]

Согласно преданию, в XIX в. кишлак Хакян по количеству своего населения превосходил Андижан. В то время как в последнем в эпоху Мадали-хана было всего около 60 квартальных мечетей, в Хокяне их якобы было 80.

По воспоминаниям стариков, после известного восстания Дукчи-ишана в 1898 г. четырнадцать махаллей (кварталов) этого селения, расположенных на территории, прилегающей к современному вокзалу, были разрушены. Население этих кварталов переселено было в кишлаки Йорбоши, Беш-буйнак и Яильма, а также в кишлак Чек по Ошской дороге.

На территории б. кишлака Хакян предание помещает урду Бабура. Возможно, что это тот загородный сад, о котором он упоминает в своих записках.[3] Точно установить это место трудно, так как в настоящее время оно застроено кварталами нового города. По рассказам местных жителей, до революции и в первые годы после нее к северу от современной улицы Крупской существовало большое кладбище, связываемое с именем Бабура. По указанию одного местного 60-летнего колхозника, в годы его молодости кладбище это имело форму вытянутого прямоугольника, расположенного по восточной стороне современной Хакенской улицы (продолжением которой является дорога на кишлак Мархамат, б. Минг-Тюбе). По его словам, западная граница прямоугольника приблизительно совпадала с линией фасада домов этой улицы. Восточная граница проходила в середине квартала, находящегося между улицами Хакенской и Пролетарской. Северная граница проходила по улице Энгельса, восточнее Хакенской улицы, равняясь протяжению фасадов дома № 50а и 50 (обследованы в 1947 г.). Южная граница кладбища проходила немного севернее улицы Крупской, начинаясь приблизительно на уровне дома № 8/10 по Хакенской улице (Запись 1939 г.).

На кладбище, приблизительно на уровне современного дома № 13 по Хакенской улице, находилось надгробное сооружение (сагана).[4]

По преданию, через урду Бабура проходил арык Гулистон, орошавший сад Бабура с цветниками, отчего якобы арык и получил свое название. Этот арык существует и теперь, но он обмелел и заилился и больше известен под названием Кум-арык. Говорят, что это название дано ему потому, что он заканчивается в заиленном болоте (Кум-боткок).

Существует предание, что около 200 лет тому назад из урды Бабура были перенесены в андижанские мечети каменные базы: одна из них стояла якобы на айване несуществующей в настоящее время мечети Чор-Гузар, вторая — в мечети Чунтак на Узумбазаре и одна — на углу айвана мечети Орзыкул-бека, здание которой в 1947 г. еще существовало.

Если верно сообщение о том, что арык Гулистан протекал через сад урды Бабура и если этот арык протекает в настоящее время по прежнему своему руслу, то сад урды Бабура должен был находиться на территории, прилегающей к описанному кладбищу с юга. Это место в первые годы начала XX в. периода было занято базаром строевого леса (тахта-

---

[1] Бабур-намэ..., стр. 132 и 134; Ba:bur-na:ma..., стр. 165 и 167.

[2] Бабур-намэ..., стр. 69, 132; Ba:bur-na:ma..., стр. 89 и 165. В топонимике города, как сказано, сохранилось указание на местонахождение одних ворот—в квартале Дарвоза огзи. Название этих ворот неизвестно. Можно только сказать, что это не были ворота Хокян, так как последние находились в южной части кургана, а квартал Дарвоза огзи находится в северо-западном углу его.

[3] Бабур-намэ..., стр. 23; Ba:bur-na:ma..., стр. 29.

[4] Это кладбище отмечено на плане города Андижана, выполненном в начале XX в., хранящемся в архиве андижанского горкомхоза.

базар). Позднее оно было куплено каким-то баем и использовано под посевы хлопка. В 1947 г. оно было занято полями колхоза «Ленинизм».

Говоря о преданиях, связанных со старыми андижанскими постройками, мы позволим себе еще остановиться на преданиях, связанных с одним очень почитаемым мазаром, находящимся неподалеку от Андижана, в Джаляль-Кудукском районе. Этот мазар считается, по преданию, могилой Кутейбы ибн Муслима и называется мазаром Имом Шайх Кутейба.[1]

Как известно, в различных исторических источниках место смерти, а следовательно и погребения Кутейбы ибн Муслима, указывается неодинаково. В стихах арабского поэта Ибн Джумана аль-Бахили, приведенных Белазури (IX в.), говорится, что могила Кутейбы находится в Китае.[2] Табари (X в.) приводит подробный рассказ об убийстве Кутейбы в Хорасане.[3] В дошедшей до нас редакции «Истории Бухары» Наршахи (XII в.) указывается, что прах Кутейбы покоится в Фергане, в окрестностях караван-сарая Сарханг, в селении Кох (كاخ)[4] Джамаль Карши (XIV в.) в «Прибавлении к словарю Сурах» пишет, что могила Кутейбы находится в селении Кулидж (كليج)[5]. Относительно двух последних сообщений В. В. Бартольд высказал подтвердившееся нашими данными предположение, что оба названия — كاخ и كليج являются одним и тем же и разница является результатом искажения слова Кулидж в Кох при переписке.[6]

Нам удалось посетить мазар Имом Шайх Кутейба осенью 1946 г. Мазар этот находился в кишлаке Суфи-кишлак (разг. Супи-кишлак), на территории 1-й бригады колхоза «Шуро» Джаляль-Кудукского района, в 2—3 км от станции Груч-мазар ветки Андижан—Ош Ташкентской ж. д. По приезде на место прежде всего выяснилось, что наиболее популярным местным названием мазара является название Кулидж-Мазар,[7] или

---

[1] Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, Год третий, Ташкент, 1897—1898, стр. 4. Как любезно сообщено мне В. А. Шишкиным и О. А. Сухаревой, место, считающееся местным населением могилой Кутейбы ибн Муслима, имеется также и в Бухаре. Однако покойный С. Айни в своих воспоминаниях говорит не о могиле Кутейбы, а только о его «кадамджой», т. е. о месте, посещенном Кутейбой и превращенном позднее в мазар. Он находился около медресе Бадалбек. (Ёддоштхо, т. III, Сталинабад, 1950. стр. 155).

[2] وفى سلمان و قتيبه بن مسلم يقول ابن جمانة ا لبا هلى
وان لنا قبرين قبر بلنجر
و قبر بصين آستا ن يا لک من قبر
فذاک الذى ابالصين عمت فتو حه
و هذا الذى يسقى به سبل القطر

(al-Beladsori, ed. de Goeye. Lugduni Batavorum, 1868, стр. 204).

[3] تاريخ طبرى , Каунпурское литогр. изд. 1313 г. х. (1895—1896), стр. 698—703. Знакомством с этим текстом я обязана М. Е. Массону.

[4] Наршахи, История Бухары, Пер. Н. Лыкошкина. Ташкент, 1897, стр. 76. Название Рабати Сарханг было употребительно в приложении к этой местности еще при Бабуре. Он говорит о небольшой области (орчин) Рабати Сарханг, находящейся к северу от Оша (Бабур-намэ..., стр. 85 и 86; Ba:bur-na:-ma..., стр. 108 и 110).

[5] В. В. Бартольд., Туркестан..., т. I, СПб., 1898, стр. 148.

[6] W. Barthold, Farghana, The Enc. of Isl., т. II, стр 63.

[7] Название железнодорожной станции—Груч-мазар является искаженной формой этого названия.

Кулидж-бобо (разг. Ключ-бува), т. е. «Святой Кулидж», букв. — «Дед (старец) Кулидж».[1] В этом названии мазара до нас дошло название селения, указываемого в качестве места погребения Кутейбы Джамалем Карши. Можно думать, что здесь с глубокой древности существовала какая-то местная святыня, название которой прочно сохранилось на протяжении многих веков, несмотря на установившуюся позднее связь этого места с именем известного арабского полководца — завоевателя Средней Азии Кутейбы ибн Муслима.

Иначе трактует имя Кулидж другое, очевидно более позднее предание, согласно которому Кулидм был «кофир»—неверный, китайский полководец, который убил Кутейбу, по одной из версий, во время похода последнего на Китай, якобы предпринятого по распоряжению Абдал Мелика ибн Мервана. Обращает на себя внимание представление о связи имени Кулидж с Китаем в приведенном предании и помещение в Китае могилы Кутейбы в упомянутом выше стихотворении Ибн Джумана аль-Бахили. Возможно, что это связано с имевшим место неоднократным попаданием Ферганы под власть Китая.

При осмотре Кулидж-Мазара в 1946 г. он состоял из незадолго до того отремонтированного надгробного сооружения (сағана), обмазанного глино-саманной штукатуркой. Оно находилось на открытой площадке, расположенной к востоку от здания бывшей кишлачной мечети. На надгробном сооружении была сделана специальная выемка-полочка, на которой лежали четыре фрагмента резной терракоты — два больших и два малых. По словам местных жителей, эти фрагменты хранились в соседней мечети и были перенесены на мазар несколько лет назад в связи с закрытием мечети.[2]

Раньше на мазаре стоял небольшой мавзолей из жженого кирпича. По словам Юсуф-Али Мусаева, видевшего этот мавзолей неоднократно, последний раз в 1938 г., портал его был около 4 м высоты и около 3 м ширины. В мавзолее имелись фрагменты резной терракоты, считавшиеся местным населением, так же как и фрагменты, перенесенные на мазар из мечети, остатками облицовки предыдущего старого здания мавзолея, стоявшего на этом месте. Эти фрагменты не сохранились.

Один из обнаруженных на мазаре и привезенных в Ташкент фрагментов (рис. 11, слева) хранит на себе обрывок надписи, которая была прочтена М. Е. Массоном и оказалась частью даты. Сохранились слова ولماسوحه. Слово ثمانين означает восемьдесят. Буква ح может быть только началом слова خمس пять, за которым должно следовать مائه сто. Получаем пятьсот восемьдесят... Так как перед словом ثمانين имеется و «и», то это не может быть 580 г., а только который-нибудь из последующих. Годам с 581 по 589 хиджры соответствуют 1185—1193 гг. н. э.

Таким образом, если уцелевшая на имеющемся фрагменте дата относится ко времени постройки мавзолея, то мы имеем в обнаруженных фрагментах с Кулидж-Мазара остатки почти точно датированного богато декорированного мавзолея, построенного в конце XII в., т. е. в эпоху Караханидов. Ближайшим современником нашего памятника в таком

---

[1] Возможность связи названия Кулидж-Мазар с именем известного мусульманского святого Клыч Бурхан-ад-Дина (о нем см. В. В. Бартольд, Туркестан..., т. I, стр. 149) исключена, так как фонетика и орфография обоих имен различны. Местное население также не связывает эти два имени.

[2] Два больших фрагмента были вывезены в Ташкент и хранятся в археологическом кабинете Института истории и археологии АН УзССР (№ 1, 2).

Рис. 11. Фрагменты резной терракоты с мазара. Кулидж-Мазар Джаляль-Кудукском районе Андижанской области.

Рис. 12. Фрагменты резной терракоты, находившейся в нише мазара Кулидж-Мазар.

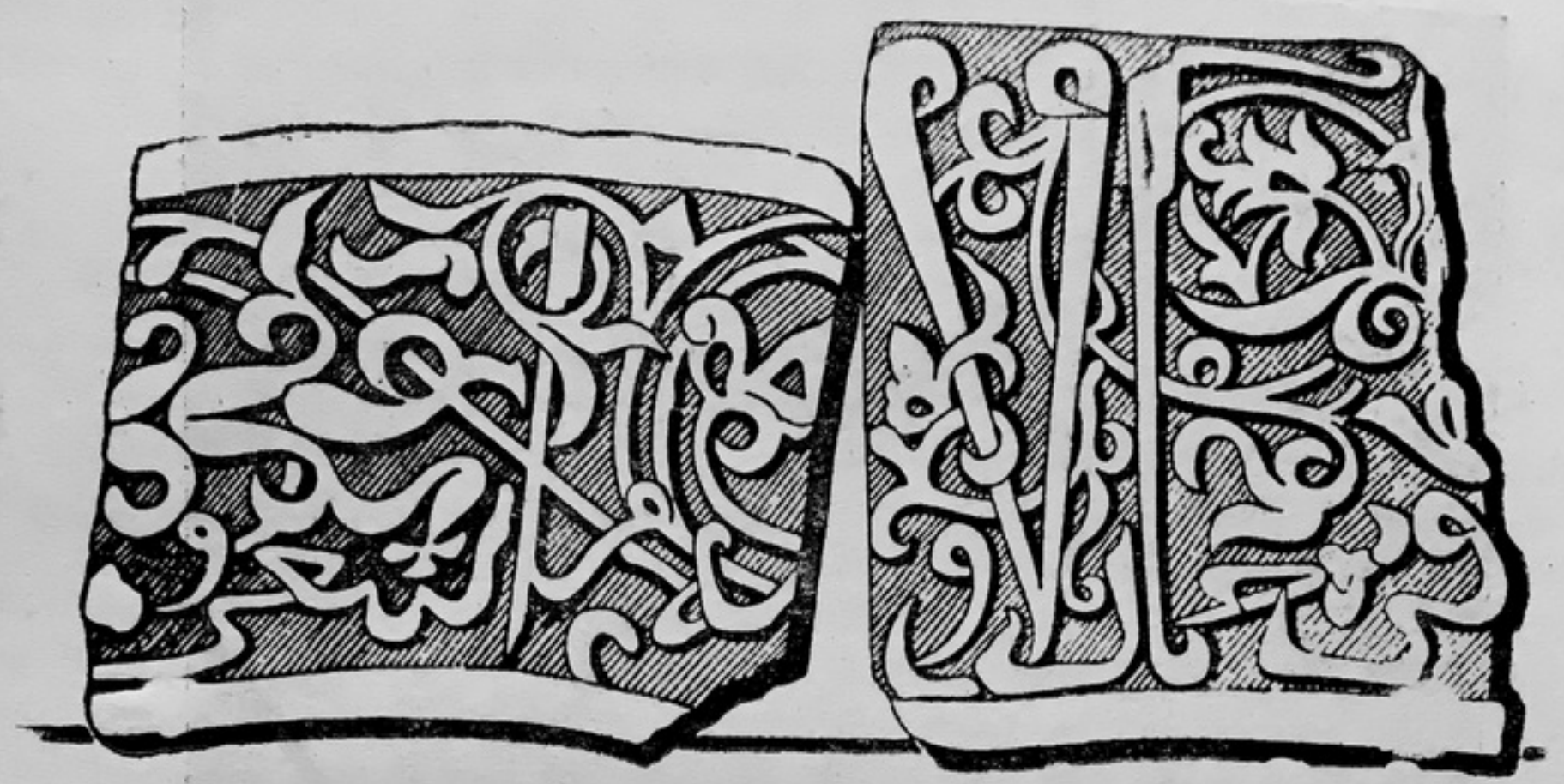

Рис. 13. Перерисовка фрагментов облицовки Кулидж-Мазара (с фото Е. К. Бетгера).

случае являлся бы южный узгентский мавзолей, построенный в 582 г. х. (1186 г. н. э.).

По приезде в Ташкент выяснилось, что в 1925 г. Кулидж-Мазар посетил ныне покойный Е. К. Бетгер, сделавший там два снимка. Один из них воспроизводит общий вид мазара, с едва различимым среди бывшей там тогда густой зелени мавзолеем, другой — один из боковых фасадов мавзолея, где в плоской нише находилось шесть фрагментов резной терракоты.[1] На одном из этих фрагментов читается: в (месяце) джумад-уль-авваль (рис. 12—13). Судя по характеру письма и орнамента, эта надпись не может быть дополнением даты на описанном выше фрагменте, а является частью другой надписи.

КОКАНД

Третий город — Коканд (в местном произношении и написании, в том числе и на монетах, Хуканд[2]) упоминается арабскими географами X в. Истахри Ибн-Хаукалем и Макдиси, как город области Верхняя Несья.[3] Повидимому, населенный пункт под этим названием существовал и в последующие столетия, так как Джамаль Карши, писавший в начале XIV в., упоминает, что могила мусульманского святого Имам Абдаллаха ибн Али, внука имама Хусейна и брата имама Мухаммеда Бакира, находится в Коканде.[4] Бабур в своих записях (составленных в начале XVI в.) нигде не говорит о Коканде, как о городе, а только как об области.[5] Повидимому, если Коканд и существовал до XVIII в., то был совершенно незначительным пунктом.[5] В. В. Бардольд относит осно-

---

[1] По народной этимологии «хук—канд»—«кабаний город».

[2] W. Barthold, Farghana..., стр. 63; В. В. Бартольд, Туркестан..., ч. II, стр. 158.

[3] В. В. Бартольд., Туркестан..., ч. II, стр. 160; ч. I, стр. 149.

[4] Бабур-намэ..., стр. 35; Ba:bur-na:ma..., стр. 44.

[5] Говорят, пишет В. П. Наливкин (цит. соч., стр. 57, прим.), что во время основания Коканда на месте его стояло четыре хутора, которые были откуплены у их хозяев вместе с прилегавшими к ним землями.

вание современного Коканда к самому началу XVIII в., когда вступил на престол родоначальник кокандских ханов Шахрух (около 1700 г.).[1] В. П. Наливкин по данным местных историков сообщает, что первое основание городу, называвшемуся тогда «Ески Кургон»[2] — «Старая крепость», было положено сыном Шахруха, Абд-ур-Рахим-бием. Правивший после него его брат Абд-ул-Карим занялся благоустройством города. «Лишь с этого времени Кокан получает настоящее свое название, а туземцы считают временем основания города Кокана 1153 г. х. — 1740 г. تار يخ مظر آ باد

В последние десятилетия XVIII и первые десятилетия XIX вв. город пережил эпоху бурного развития. Если Ф. Ефремов, видевший его в 80-х годах XVIII в., говорит, что он меньше Бухары в пять раз,[3] то посетивший его 40 лет спустя Ф. Назаров описывает его следующим образом: «Город сейчас весьма обширен и многолюден, в нем насчитывают до 400 мечетей. Посреди города построены три каменных рынка... в нескольких местах находятся древние памятники и близ замка огромные из жженого кирпича конюшни для аргамаков владетеля».[4] Упомянутое Ф. Назаровым количество мечетей явно преувеличено. По собранным нами сведениям, в предреволюционные годы, т. е. столетие спустя, когда город очень разросся и был значительно больше, чем во время посещения его Ф. Назаровым, число кокандских мечетей составляло всего около половины указанного им количества.[5] Неясно также, о каких древних памятниках говорит Ф. Назаров. В Коканде не сохранилось зданий старше конца XVIII в. Через 6 лет после Ф. Назарова Среднюю Азию посетил другой европейский путешественник, который отмечает, что Коканд по величине равен Бухаре, содержит по крайней мере шесть тысяч домов и четыре караван-сарая.[6]

В Коканде не было встречено никаких легенд и преданий о жизни города в древности; наоборот, все опрашиваемые обычно подчеркивали недавнее основание города.

Наиболее старой кокандской цитаделью местное предание правильно считает известную по упоминаниям в научной литературе цитадель основателя города Шахруха.[7] В XIX и XX вв. около этого места жили прокаженные (махау), отчего оно издавна называется «Махаузор» или «Махаузор кургон» — «Курган, находящийся в местности Махаузор». Под таким названием это место известно старикам и до последнего времени. В 1947 г. оно представляло собой невысокий холм с небольшим мазаром на нем.

Вторая цитадель, как пишет Бартольд,[8] была построена сыном Шах-

---

[1] W. Barthold, Khokand. The Enc. of Isl., т. II, стр. 963; С. Лэн-пуль, Мусульманские династии, Перевод В. В. Бартольда, СПб., 1899, стр. 237.

[2] В. П. Наливкин, Цит. соч., стр. 56—59.

[3] Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Персии, Тибете и Индии и возвращение его через Англию в Россию, Казань, 1811, стр. 101. В первом издании этой книги (СПб., 1786) сравнения размеров Коканда и Бухары нет.

[4] Ф. Назаров, Цит. соч., стр. 73—74.

[5] В. И. Масальский, говоря о количестве мечетей Коканда, указывает цифру 248 (Туркестанский край, СПб., 1913, стр. 700).

[6] Meyendorff, Voyage d'Orenbourg à Boukhara, fait en 1820, Paris, 1826, стр. 117.

[7] W. Barthold., Khokand, The Enc. of Jsl., т. II, стр. 963. В. П. Наливкин, на основании данных местных историков, связывает ее с именем сына Шахруха, Абд-ур-Рахим-бия.

[8] Khokand, стр. 963.

руха, Абд-ул-Каримом, дата правления которого точно не установлена.[1] Повидимому, к этой цитадели относится упоминание Мейендорфа (1820 г.), что она построена из земли и окружена стеной, в которой имеется двое ворот из кирпича: одни обращенные к базару Кистан, другие — называемые Калмак.[2] И в преданиях, и в литературе[3] указывается, что на месте этой цитадели в середине XIX в. было выстроено медресе Оли.[4] По словам Бартольда, эта цитадель получила потом название «Ески урда» — «Старая урда».[5] Наши информаторы в 1938—1944 гг. прилагали название «Ески урда» не к этой урде, а к урде Султан Саида, известной еще под названием «Джахон-оро», сведения о которой приводятся ниже.

В семье кокандского потомственного мастера росписи, усто Джамиля Ма-Расулова сохранилось предание о больших работах, осуществлявшихся в урде Абд-ул-Карима Нарбута-беком (по Бартольду, Khokand, 1774/1775—1798/1799). Для выполнения декоративных работ он якобы пригласил из Самарканда трех братьев-наккошей (мастеров росписи), которые по окончании этих работ остались в Коканде и расписывали много кокандских зданий.

Следующее упоминание касается урды Омар-хана, которая, по В. П. Наливкину,[6] находилась на месте сохранившейся до настоящего времени урды Худояр-хана. Нам не удалось услышать подтверждения этого сообщения от местных жителей, так как опрошенные мною старики в Коканде не могли уже сказать, кем была построена урда, находившаяся на этом месте до урды Худояр-хана, что же касается урды Омар-хана (и Алим-хана), то многие кокандцы с разной степенью уверенности считали ее помещавшейся в упомянутой урде Абд-ул-Карима (на месте которой позднее было выстроено медресе Оли).

Относительно урды Мад-Али-хана в Коканде не выявлено каких-либо преданий. Но в Андижане потомственный мастер-строитель усто Юсуф-Али сообщил мне сохранившееся в его семье предание о поездке в Коканд его деда и отца усто Мад-Мусы для участия в постройке урды Мад-Али-хана. Она называлась «Заррин», «золотая», «позолоченная» или «Кырксун» (по объяснению Юсуф-Али, это название связано было с сорока красиво отделанными помещениями для сорока жен Мад-Али-хана) и находилась на месте нынешней урды Худояр-хана, т. е. там, где, по сообщению В. П. Наливкина, находилась и урда Омар-хана. Так как сообщение В. П. Наливкина, основанное на тщательном сборе материалов, произведенном притом более 60 лет тому назад, т. е. тогда, когда события прошлого были в памяти народа гораздо свежее, представляется бесспорным, то следует предположить, что здесь имела место капи-

---

[1] В. П. Наливкин, относит начало его правления к 1740 г. и упоминает об исторических фактах, связанных с его именем, относящихся к 1760 г. Однако Бартольд (Khokand, стр. 963) указывает значительно более ранний год его смерти — 1746.

[2] Meyendorff, Цит. соч., стр. 117.

[3] Аттар Мулла Аваз-Мат, Джан-нама, В. П. Наливкин, Цит. соч., стр. 59, прим.

[4] По данным Н. П. Остроумова (Исламоведение, Ташкент, 1914, стр. 181), это медресе было построено Худояр-ханом в 1263 г. х., что соответствует 1847 году н. э. У Н. П. Остроумова указан 1846 г. Однако, ввиду того, что 1263 г. х. начинается 20 декабря 1846 г. (И. Орбели., Синхронистические таблицы для перевода исторических дат по хиджре на европейское летоисчисление, Л., 1940), т. е. по окончании строительного сезона, то в данном случае следует считать 1263 г. х. соответствующим 1847 г. н. э.

[5] Местное население в Коканде называет урдой дворец правителя, где находился и его гарем.

[6] Цит. соч., стр. 201.

тальная перестройка, возведение многочисленных дополнительных помещений на старом месте, а не постройка новой урды на новом месте.

Название «Заррин» в приложении к урде Мад-Али-хана упоминается и В. П. Наливкиным.[1] Описывая смерть Мад-Али-хана, он говорит, что последний был зарезан по приказанию завоевавшего Коканд бухарского эмира Насруллы в урде, в так называемой «Имарат-зарин» — комнате, в которой Мад-Али-хан ежедневно принимал «селям» — придворное поздравление с добрым утром. Рассказ о смерти Мад-Али-хана имеется и в записанном мною предании и содержит детали, интересные сами по себе, независимо от их исторической точности. В нем говорится, что Мад-Али-хан не был зарезан. «Ханов не режут, их предают мучительной смерти (қийналиб улдирадилар)», — пояснил мне рассказчик. Самой мучительной смертью считалось убивание камнями (сангборон) или ударами палок по голове, глазам и пр. В отношении Мад-Али-хана якобы была применена эта последняя казнь. Во время ее совершения разбрызгивавшаяся кровь запятнала во многих местах позолоченные стены комнаты, и эти пятна мастерам не удалось потом незаметно удалить, а пришлось наносить новую декорацию.

Предпоследней урдой была урда, построенная около 1864 г. для несовершеннолетнего Султан-Саида регентом Алимкулом, по имени которого она известна среди населения. Более популярным названием этой урды является «Джахон-оро» — «Украшающая мир», сохранившееся до наших дней в названии квартала, где находилась эта урда,[2] расположенного по улице Янги-Абад. Кроме того, в настоящее время именно к этой урде опрашиваемые мною старики прилагают название «Ески-урда» — «Старая урда», прилагавшееся раньше, как говорит В. В. Бартольд (см. выше), к урде Абд-ул-Карима, на месте которой позднее было построено медресе Оли.[3] Даже весь квартал, наряду с приведенным выше названием «Джахон-оро», называется часто также «Ески-урда».

Последний дворец (урда) кокандских ханов, построенный Худояр-ханом, как указано в надписи на портале, в 1287 г. х. (1871 г.), частично существует до настоящего времени. В нем помещается кокандский краеведческий музей.

Эта слабая попытка подражания величественным памятникам прошлых веков, сохранившимся в Самарканде, Бухаре и некоторых других городах Средней Азии, иллюстрирует происшедший за последние столетия упадок в строительном искусстве городов Ферганы.

Во внутренней отделке дворца Худояр-хана сохранились интересные образцы работы национальных мастеров-декораторов — резчиков по дереву и алебастру и художников росписи. Относительно работы последних в семье потомственного мастера росписи (наккош) усто Джалиля Ма-Расулова сохранилось следующее предание. К работе по расписыванию потолков ханской урды были привлечены лучшие кокандские мастера. Среди мастеров наметились тогда два течения. Одна группа работала по-старому, красками, разведенными на яичном желтке, которые давали матовую поверхность росписи. Вторая группа — новатор-

---

[1] Цит. соч., стр. 143.

[2] Здесь мы, повидимому, опять имеем пример неустойчивости в названии, изменившемся за последние полстолетия, так как В. П. Наливкин, описывая постройку этой урды (цит. соч., стр. 201), говорит, что она была построена в квартале Джахон-абад.

[3] Применение названия «Ески-урда» к различным объектам, может быть, можно объяснить переходом этого названия от более старой урды к более поздней, в связи с возникновением еще более поздней урды, подобно тому, как, например, в Андижане название «Катта-мадраса» — «Большое медресе» в течение каких-нибудь 40—50 лет последовательно, по мере сооружения новых медресе, два раза переходило от старого меньшего медресе к новому большему.

ская—вводила новую для того времени (70-е годы XIX в.) технику расписывания потолков клеевыми красками с последующим покрытием росписи лаком. К этой второй группе примыкал отец рассказчика усто Ма-Расул, а также известные кокандские наккоши усто Ма-Солех и усто Хакимбай. Они обратились к хану с просьбой выделить им какое-нибудь помещение, где они могли бы показать свое искусство. Хан поручил им расписать фигурный потолок комнаты Султан-Мурад-бека. Вскоре эта техника росписи получила широкое распространение, а старая совсем вышла из употребления.

Наиболее старым известным памятником из других сохранившихся до настоящего времени построек является медресе Нарбута-бека, известное среди населения под названием Мадраса-и Мир. Оно построено Нарбута-беком (Нарбута-бием) в конце XVIII столетия, не имеет изразцовой декоровки и своими формами отражает низкий уровень строительного искусства того времени. Например, все пролеты арок фасада имеют разную ширину, и разница настолько велика, что сразу бросается в глаза.

Неподалеку от медресе Нарбута-бека на территории прилегающего большого кокандского кладбища (Котта кабристон) находятся две усыпальницы. Одна из них называется «Дахма-и шохон», т. е. «царская усыпальница». Вход в нее оформлен аркой, облицованной изразцами с узором из больших миндалеобразных фигур. Согласно народному преданию, эта арка была сооружена Омар-ханом (ум. в 1821 г.), а облицована изразцами уже после его смерти его женой Нозирой (бывшей довольно известной поэтессой). За входной аркой и следующим за ней купольным помещением (на четырех перекрещивающихся арках) находится небольшое помещение для совершения молитв, потолок которого сохранил остатки росписи, датированной первыми годами XIX в. В усыпальнице Дахма-и Шохон похоронены Нарбута-хан и его потомки, кончая Мад-Али-ханом и казненными вместе с ним его детьми.

Преемник Мад-Али-хана Шир-Али и его потомки, являвшиеся представителями другой, боковой линии (Шир-Али был сыном одного из братьев Нарбуты), имели свою особую усыпальницу, расположенную около урды Худояр-хана. Эта усыпальница не сохранилась.

Рядом с усыпальницей Дахма-и Шохон на кладбище Котта кабристон находится вторая усыпальница, с остатками облицованного изразцами купольного сооружения с порталом. Она известна под названием «Модари хон» — «Мать хана». Здание имеет интересные граненые башенки по углам портала и оригинальную внутреннюю отделку купола. На здании сохранилась дата его постройки — 1825 г.[1]

Одной из наиболее старых построек города и зданием, сохранившим в фрагментах наиболее старую потолочную роспись, считалась среди населения кокандская соборная мечеть «Джоми», сооружение которой относится, как известно, к правлению Омар-хана[2] (рис. 15). Эта мечеть

---

[1] Сообщено ныне покойным Б. Н. Засыпкиным.

[2] Год постройки этой мечети точно не установлен. В. П. Наливкин (цит. соч., стр. 185) указывает 1231 г. х., соответствующий 1816 г. У Наливкина он неправильно определен, как 1815. Наливкин не учел того, что начало нового 1231 г. х. соответствует 3 декабря 1815 г. (И. Орбели, Синхронистические таблицы), когда строительные работы не производились. У Н. П. Остроумова в его списке медресе города Коканда (Исламоведение, Ташкент, 1914, стр. 181) значится медресе Джами с датой основания 1234 г. х. Правильно 1819, Остроумов также не учел возможного строительного сезона. В. В. Бартольд, писавший об этой постройке позднее (Khokand, стр. 964), года постройки не указывает, ограничиваясь сообщением, что мечеть Джами была возведена Омар-ханом (1810/1813—1822).

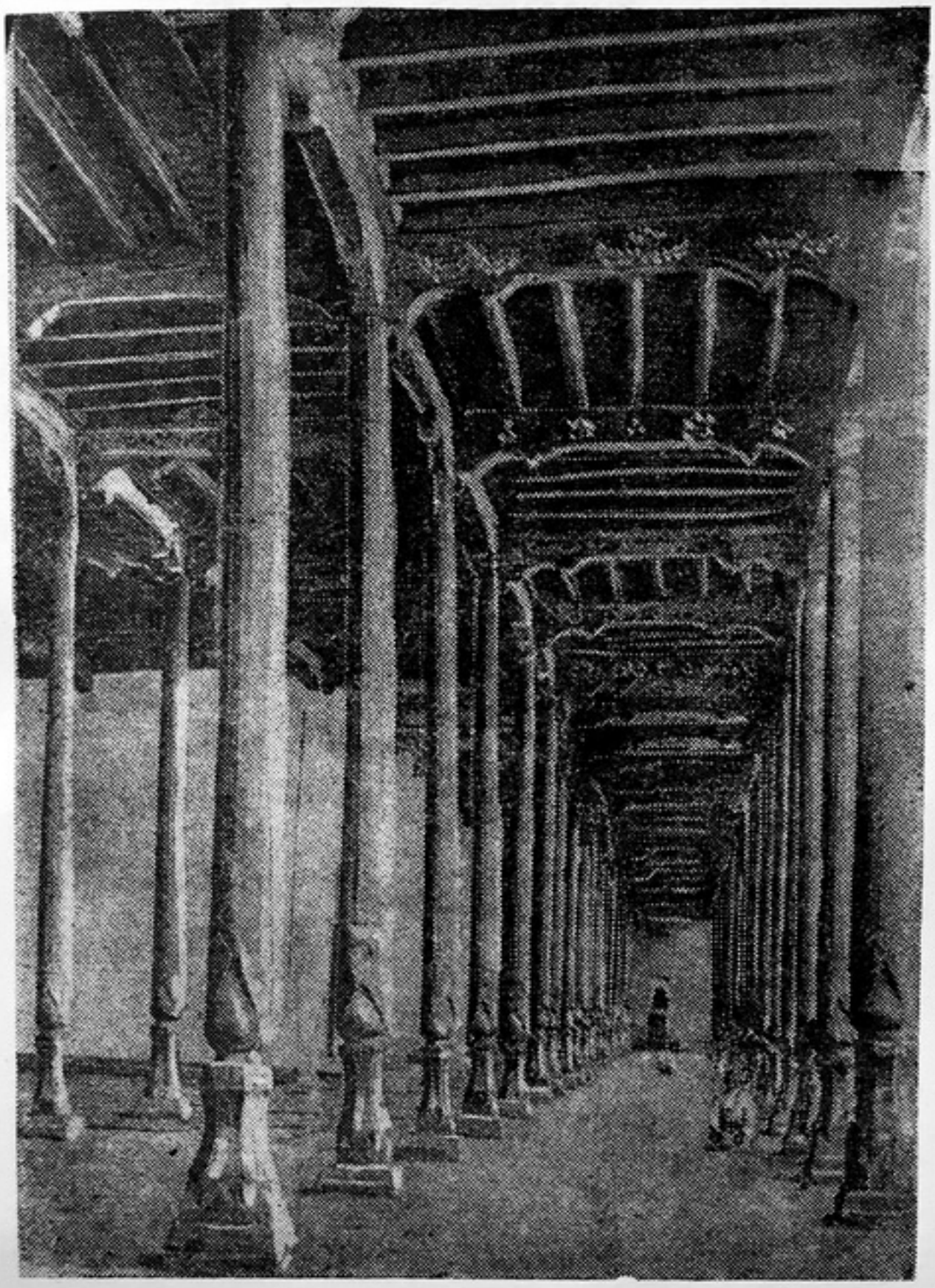

Рис. 15. Айван кокандской соборной мечети. Первая четверть XIX в.

была осмотрена нами в 1939 г. Роспись многих квадратов потолка, по словам кокандских мастеров, была реставрирована в начале второго десятилетия текущего столетия, но некоторые квадраты (например, в приподнятой части айвана перед зимним помещением) остались от более раннего времени, а может быть даже являются первоначальной работой (рис. 16).

Очень интересен план мечети Джоми, представляющей собой громадный вытянутый портик, поддерживаемый целым лесом колонн (рис. 8); в центре этого портика расположено сравнительно небольшое зимнее помещение. При большом распространении в городах Средней Азии соборных мечетей, состоящих из зимнего помещения, окруженного с трех сторон айванами, не приходилось нигде за пределами Ферганы встречать соборные мечети с подобным развитием айванов. В Фергане соборная мечеть, сходная по плану с кокандской, известна в Андижане (см. выше, стр. 166), где имеется еще несколько мечетей с сильно развитыми айванами, имеющими по 4—5 рядов колонн с каждой стороны зимнего помещения (например, мечеть на Узум-базаре, мечеть Дувахан

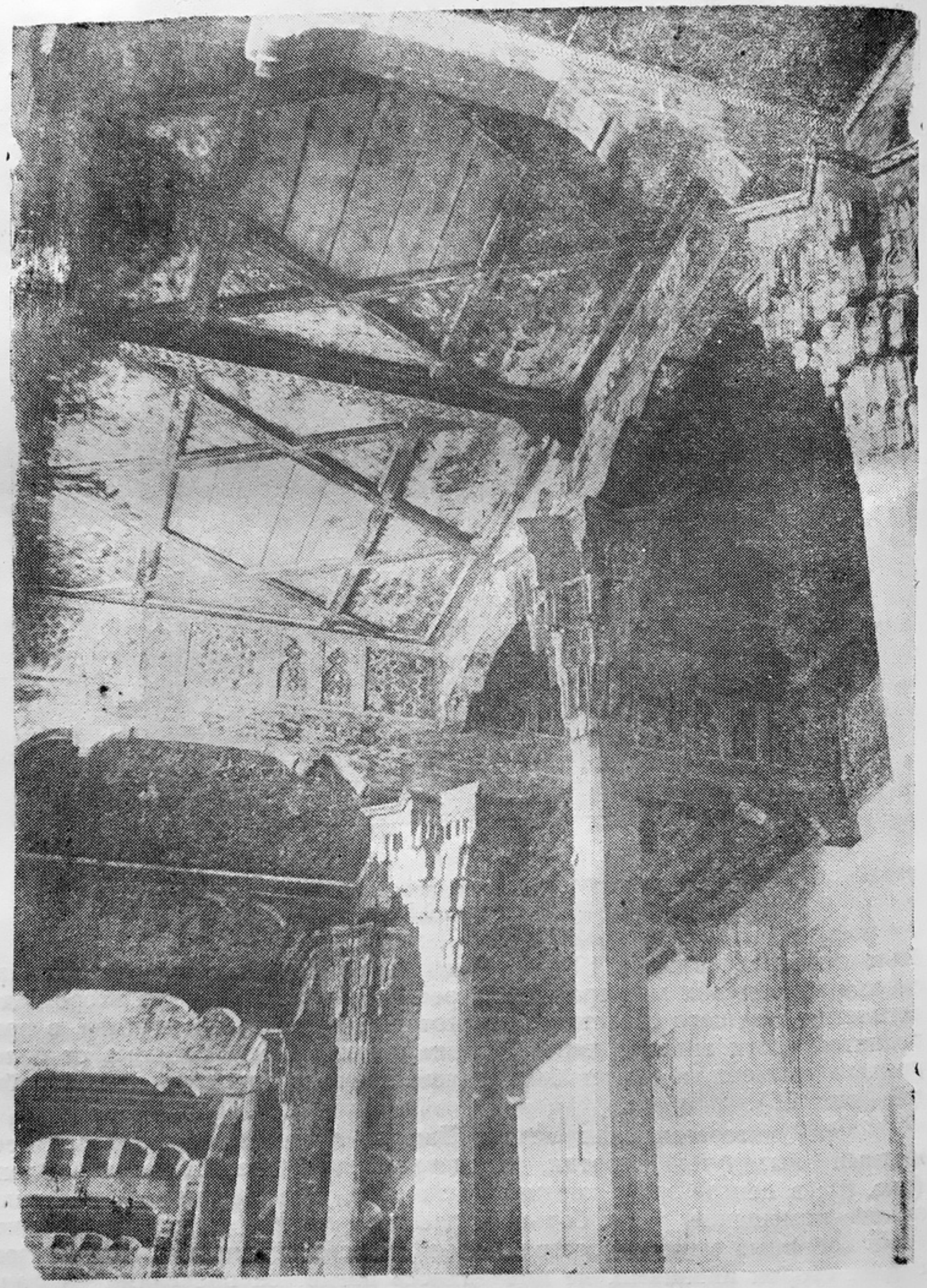

Рис. 16. Потолок центральной части айвана кокандской соборной мечети. Начало XIX в.

на Пчак-базаре и др.). Можно отметить еще, пожалуй, старую соборную мечеть в Маргелане,[1] которая имеет также большее, чем обычно, развитие боковых айванов, хотя и значительно меньшее, чем в кокандской и андижанской мечетях.[2]

Наконец, можно упомянуть еще об одном небольшом сооружении, которое интересно, как очень поздняя попытка применения сплошной изразцовой облицовки. Это дарвоза-хона (сооружение над входом) в медресе Камоль-козы, расположенном на берегу Кокан-сая, около моста Гыш-купрук. Изразцами облицован портал над входной дверью. Изразцы для этого медресе были изготовлены по рисунку потомственного мастера-декоратора усто Умарджана мастером-керамистом усто Сабирджаном в 1913 г. (рис. 17).

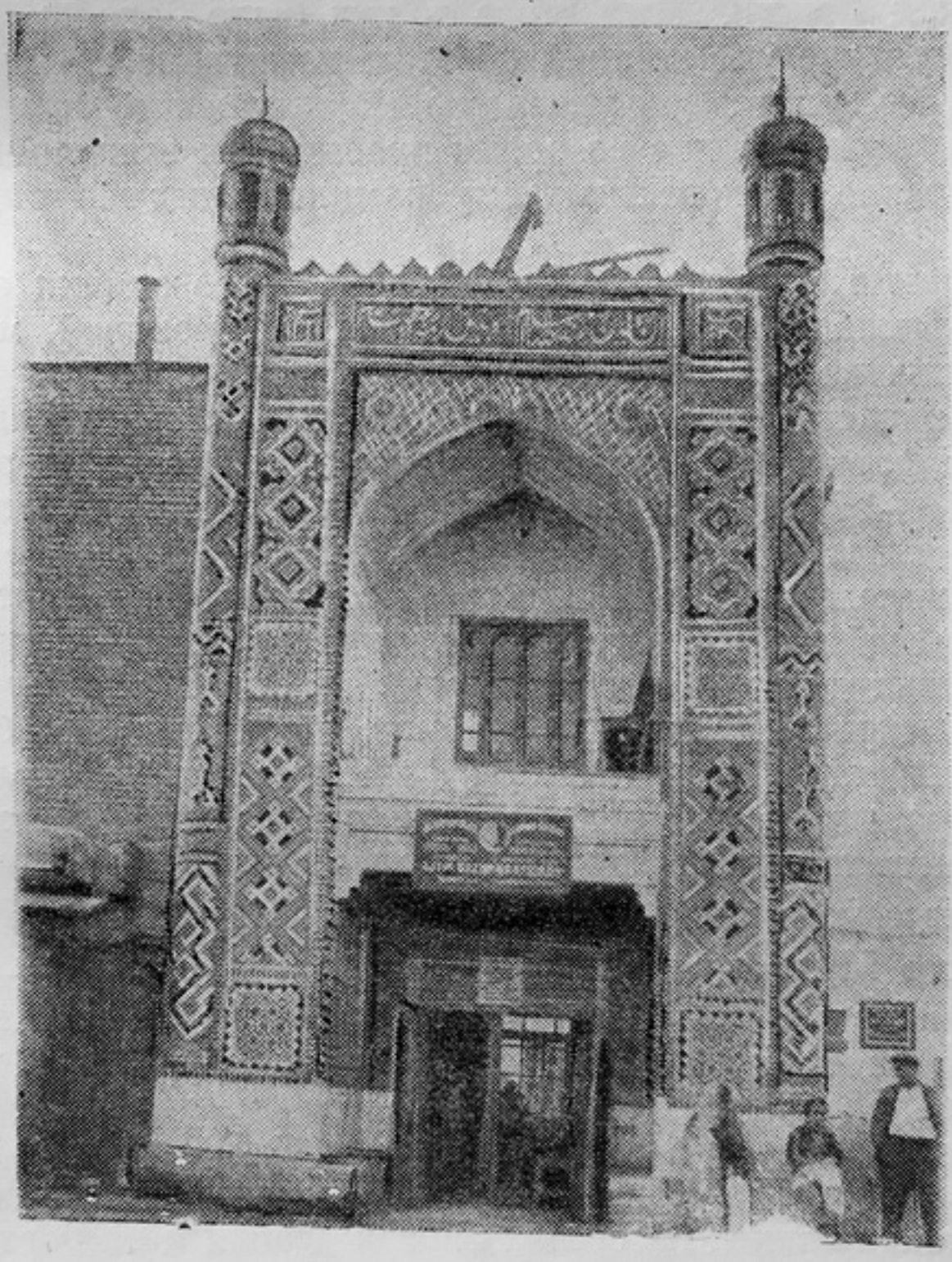

Рис. 17. Портал медресе Камоль-козы в Коканде, построен в 1914 г.

Попытки украшать здания сплошной изразцовой облицовкой наблюдаются в конце XIX — начале XX вв. и во многих других местах. Так, в начале XX в. в Намангане было построено медресе Мулло Кыргыз с

---

[1] Как упомянуто выше, в Маргелане существует и другая соборная мечеть, построенная в XX в., представляющая собой многокупольное сооружение из жженого кирпича.

[2] В Управлении по делам архитектуры при Совете Министров Узбекской ССР имеются планы маргеланской старой соборной мечети, а также упоминавшихся выше маргеланских мазаров Подшо Искандар Зулькарнайн и Кок-Мазар, выполненные членом экспедиции Узкомстариса 1938 г. архитектором В. Л. Ворониной.

порталом, украшенным изразцами, в Самарканде — облицованный изразцами минарет при мечети Кош-хауз, облицованный изразцами минарет в Хиве и пр.

НАМАНГАН

В Намангане нам не удалось собрать сведений о прошлом города. Это объясняется, с одной стороны, краткостью пребывания там экспедиции, с другой же тем, что Наманган начал разрастаться и превращаться в большой город только в начале XIX в., когда в результате проведения Янги-арыка были осушены окружающие город болота.

Тем интереснее факт нахождения неподалеку от центра города архитектурного памятника, относимого народным преданием к середине XVIII в. Он известен среди населения под названием «Ходжамны кабри» — могила Ходжи.[1] Имя этого ходжи было якобы Азиз-ходжа, В научной литературе упоминаний об этом памятнике не имелось. Нам удалось найти его, благодаря указанию маргеланского мастера Ходжа-Али Салиева, которого я еще во время пребывания экспедиции в Маргелане расспрашивала об известных ему наманганских достопримечательностях.

План, описание и архитектурный анализ этого здания опубликованы участницей экспедиции архитектором В. Л. Ворониной, мы же здесь остановимся лишь на некоторых моментах.[2]

Памятник представляет собой квадратное в плане здание из жженого кирпича, с фасадом, облицованным плитками резной терракоты без поливы (рис. 18—22). Боковые трехчетвертные колонки фасада украшены поясами надписей, покрытыми поливой (рис. 25—27). Поливой украшены также и колонки по краям входной арки портала (рис. 28). Глубокая ниша входной арки перегорожена щипцовой стеной, в которой находится небольшая дверь, ведущая внутрь здания. Над дверью имеется прямоугольное некрашеное ганчевое панно, покрытое резьбой, а под этим панно ниша такой же вытянутой формы, глубиной около 15 см, в которой среди растительного орнамента и различных надписей невысокого рельефа имеется надпись, довольно грубо выполненная куфическими буквами очень высокого рельефа: عمل اوستا محمد ابراهم ابن عبد الرحيم т. е. «Работа усто Мухаммад Ибрагима, сына Абдуррахима».

Под панно над дверью кем-то выписаны имена четырех первых халифов и поставлена дата 1240 г. х., соответствующая 1825 г. н. э.

Внутренность здания богато украшена ганчевыми орнаментациями. Полукруглые арочные паруса оформлены сталактитами (рис. 29), стены разбиты на чередующиеся пояса надписей и орнамента. К сожалению, не были разобраны надписи на стенах внутри здания и на портале. Большинство из них на арабском языке.

Во внутренней отделке поражает чрезвычайно разнообразная и тонкая техника, богатство и разнообразие орнамента. Очень различно выполнены надписи. Часть их — это толстые куфические письмена высокого рельефа на фоне растительного орнамента низкого рельефа. Кроме

---

[1] Буквально «Ходжам» — «мой ходжа» — форма, довольно распространенная в Восточном Туркестане и Фергане для почтительного определения особенно почитаемых ходжей (Ср. Ходжам-сият — известное место лечения в Каракульском оазисе. Указано Н. Г. Маллицким). Здесь мы видим то же самое прибавление притяжательного «м» (к слову ходжа), как и в слове «хоным» — «мой хан», «бегим» — «мой бек», «оим» — «моя луна» — все три формы, употребляющиеся для вежливого определения уважаемых женщин (Ср. Ba:bur-na:ma..., стр. 29, прим. 2).

[2] В. Л. Воронина, Неизвестные памятники Средней Азии, Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана, М., 1950, стр. 96—98.

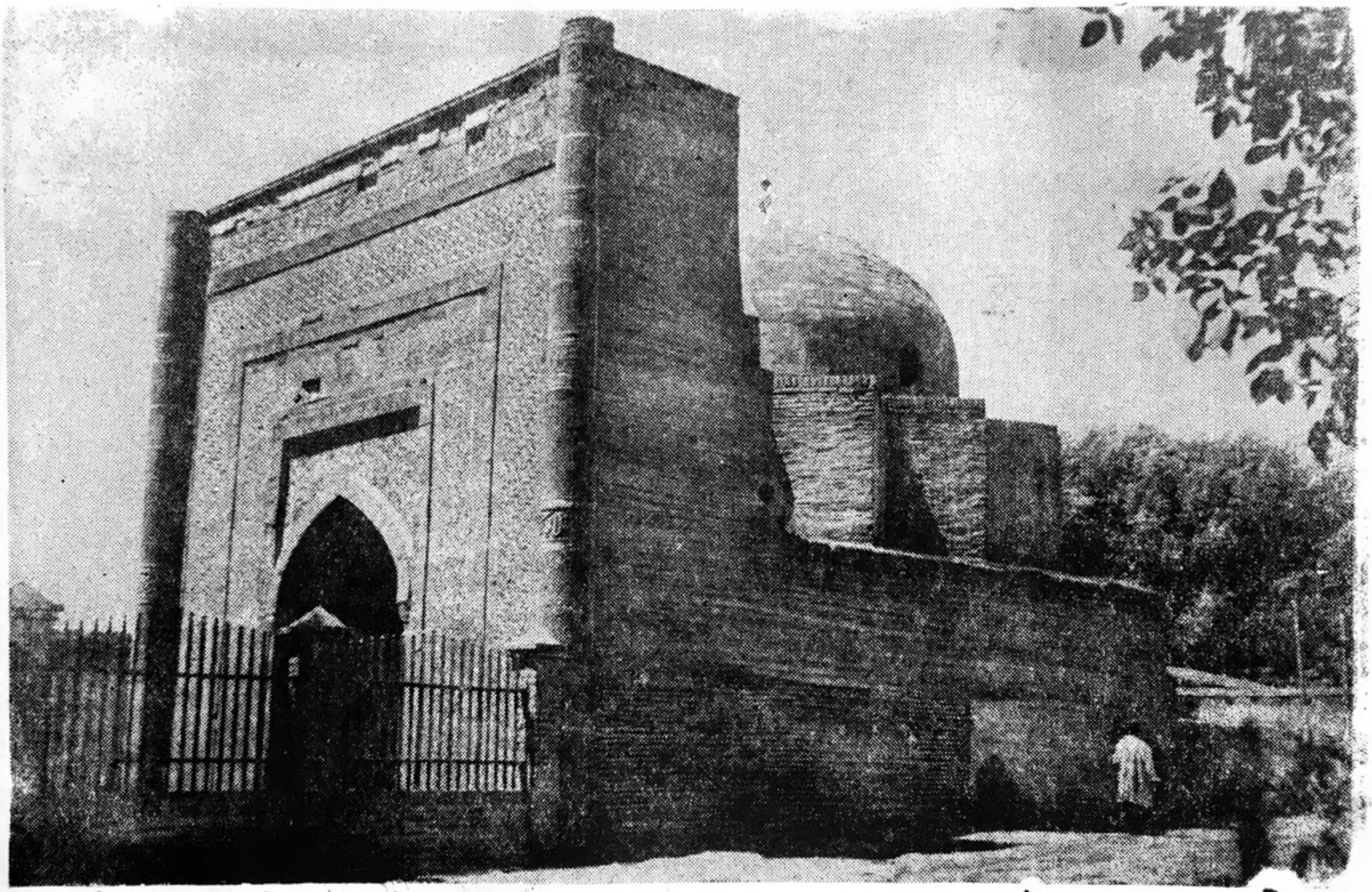

Рис. 18. Общий вид мавзолея Ходжамны кабри в Намангане.

Рис. 19. Портал мавзолея Ходжамны кабри в Намангане.

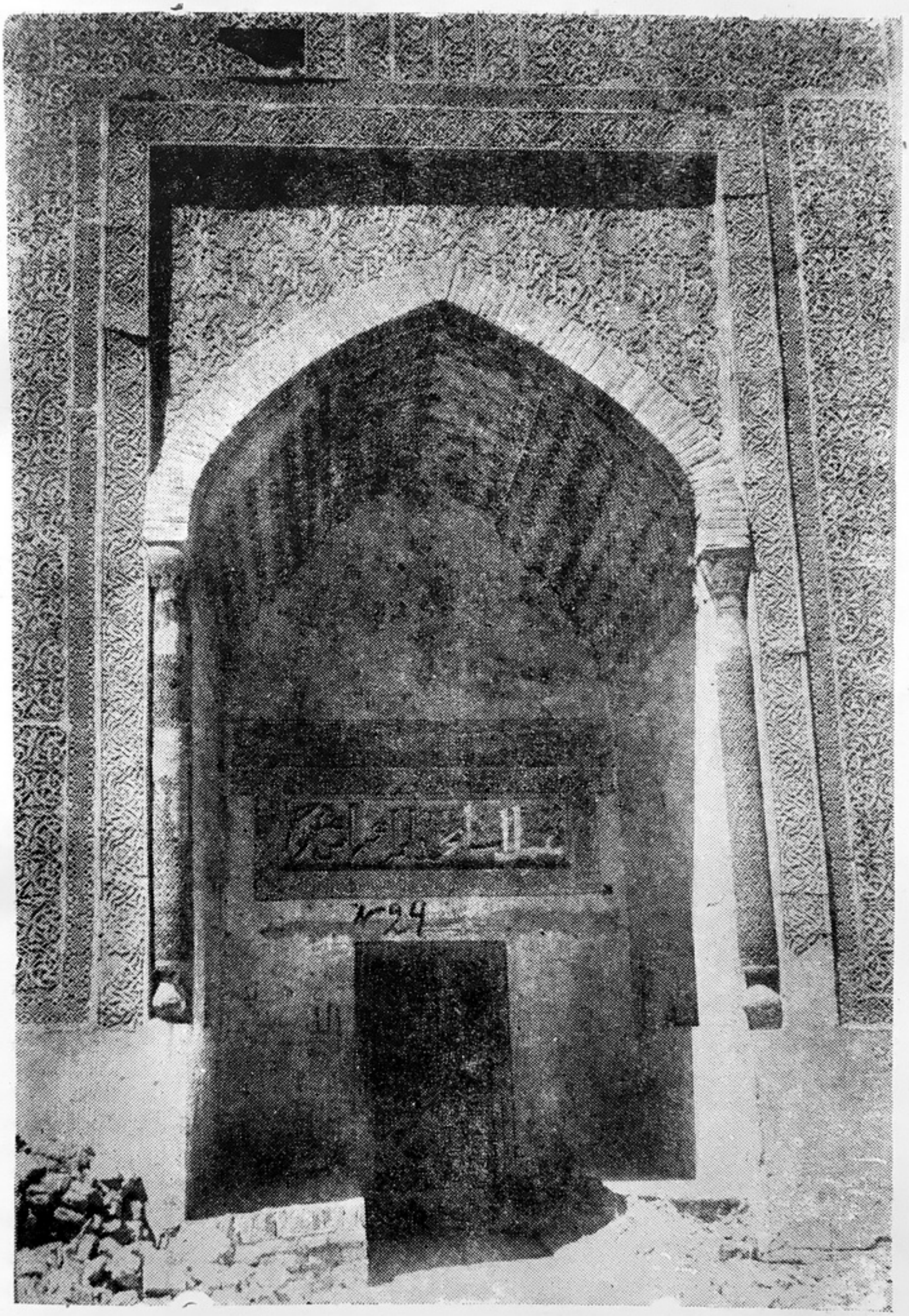

Рис. 20. Арка портала мавзолея Ходжамны кабри в Намангане.

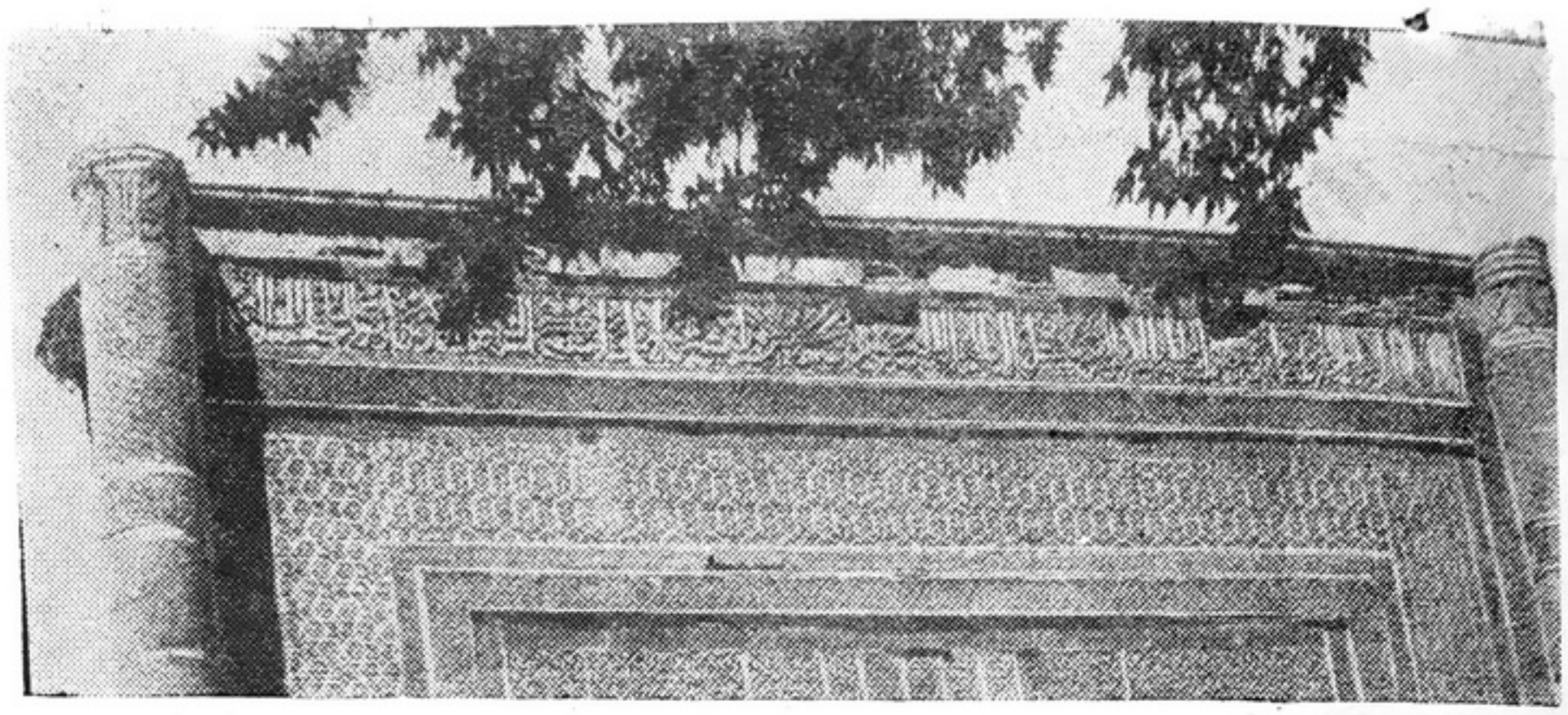

Рис. 21. Надпись на портале мавзолея Ходжамны кабри в Намангане.

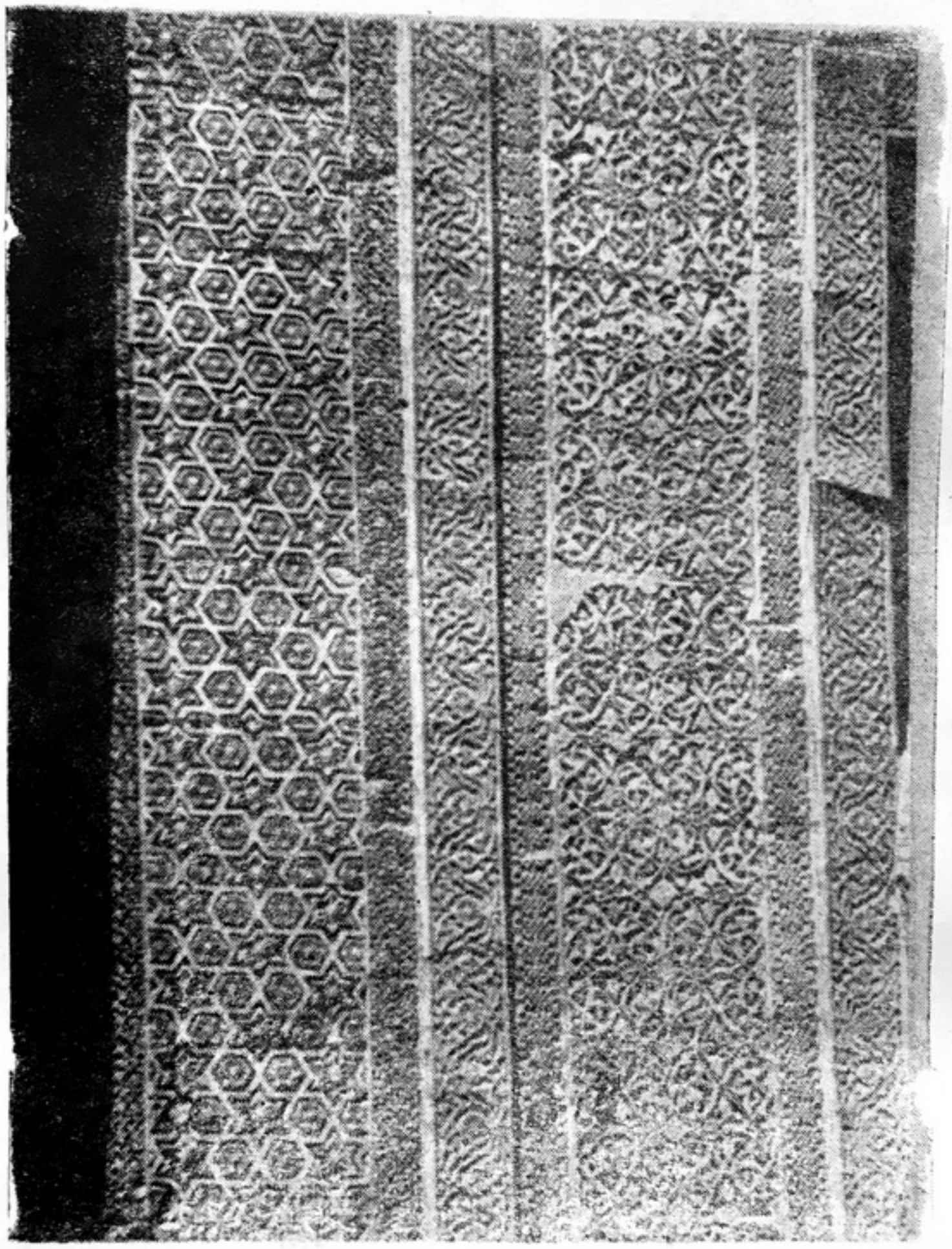

Рис. 22. Деталь терракотовой облицовки портала мавзолея Ходжамны кабри в Намангане.

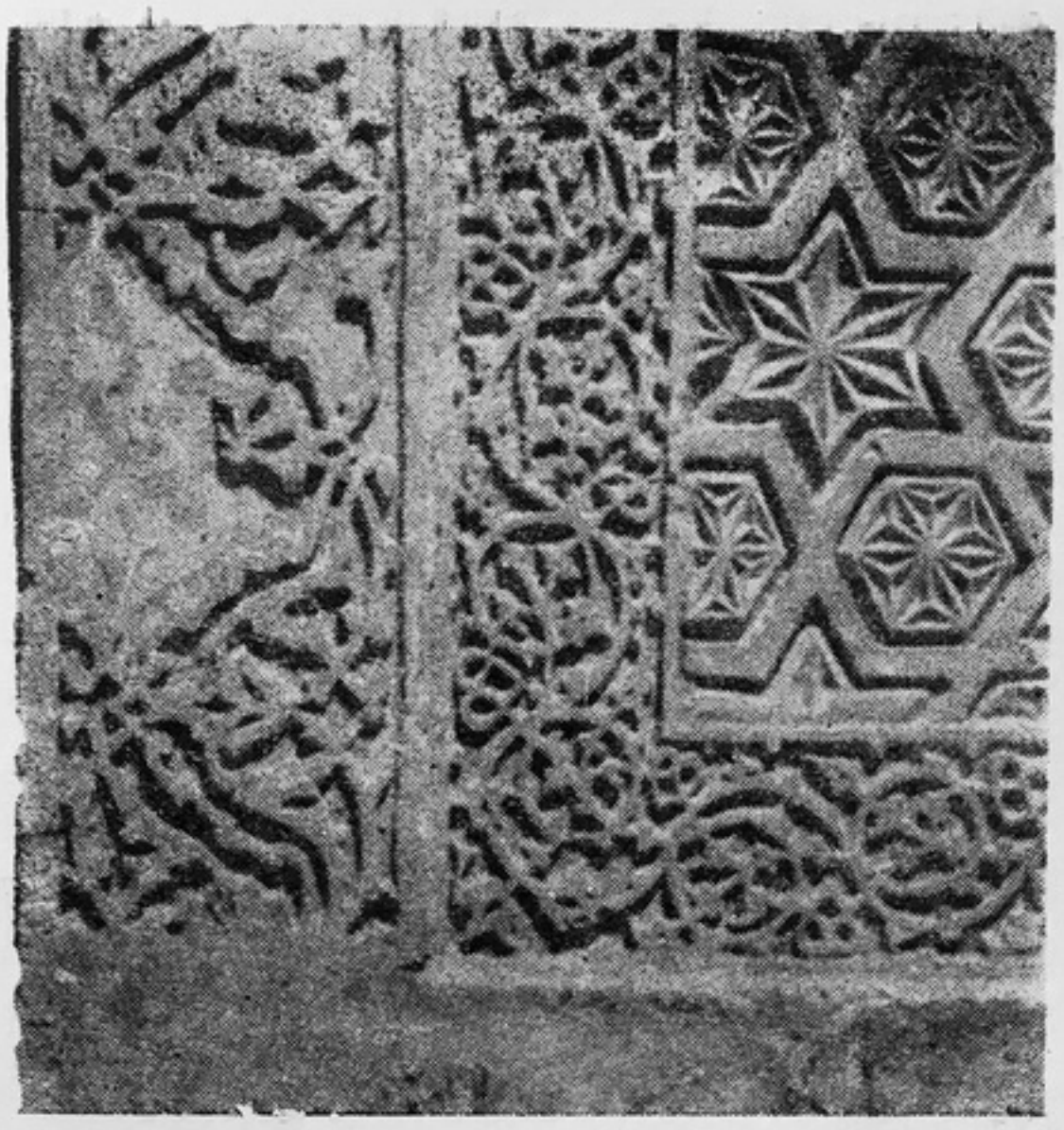

Рис. 23. Деталь орнамента портала мавзолея Ходжамны кабри в Намангане (см. рис. 22, б и в).

них, имеются тонкие стройные надписи, украшенные растительным орнаментом того же рельефа. Наконец, в самом низу идет полоса врезанных надписей. Орнамент не менее разнообразен: от простейшего геометрического до очень сложного растительного. Характерно обилие меандрового орнамента. В некоторых местах, в частности на внутренней поверхности купола, применена резьба по цветному фону — темному, где, очевидно, к алебастру добавлялась сажа, и яркому суриковому, который в большинстве мест очень потускнел от пыли и сохранил свой первоначальный тон лишь в некоторых недавно поврежденных местах.

Во внутреннем оформлении памятника заметно влияние находящегося неподалеку в к. Сафид-Буланде мавзолея Шах-Фазил.

Небезинтересна поздняя попытка подражания внутреннему оформлению Ходжамны кабри в мавзолее Мавляви, построенном на наманганском кладбище в XX в. (рис. 31).

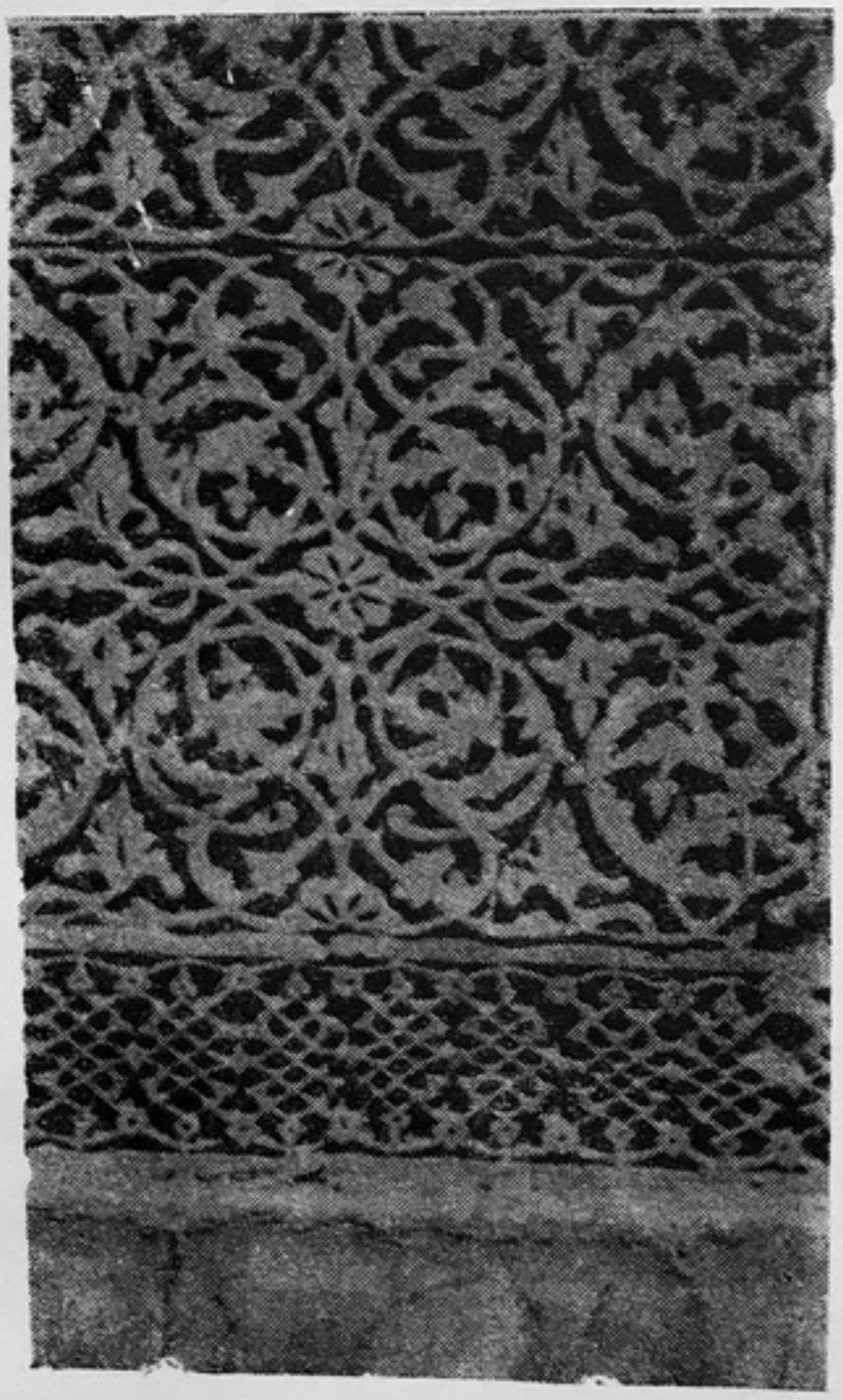

Рис. 24. Деталь орнамента портала мавзолея Ходжамны кабри в Намангане (см. рис. 22а)

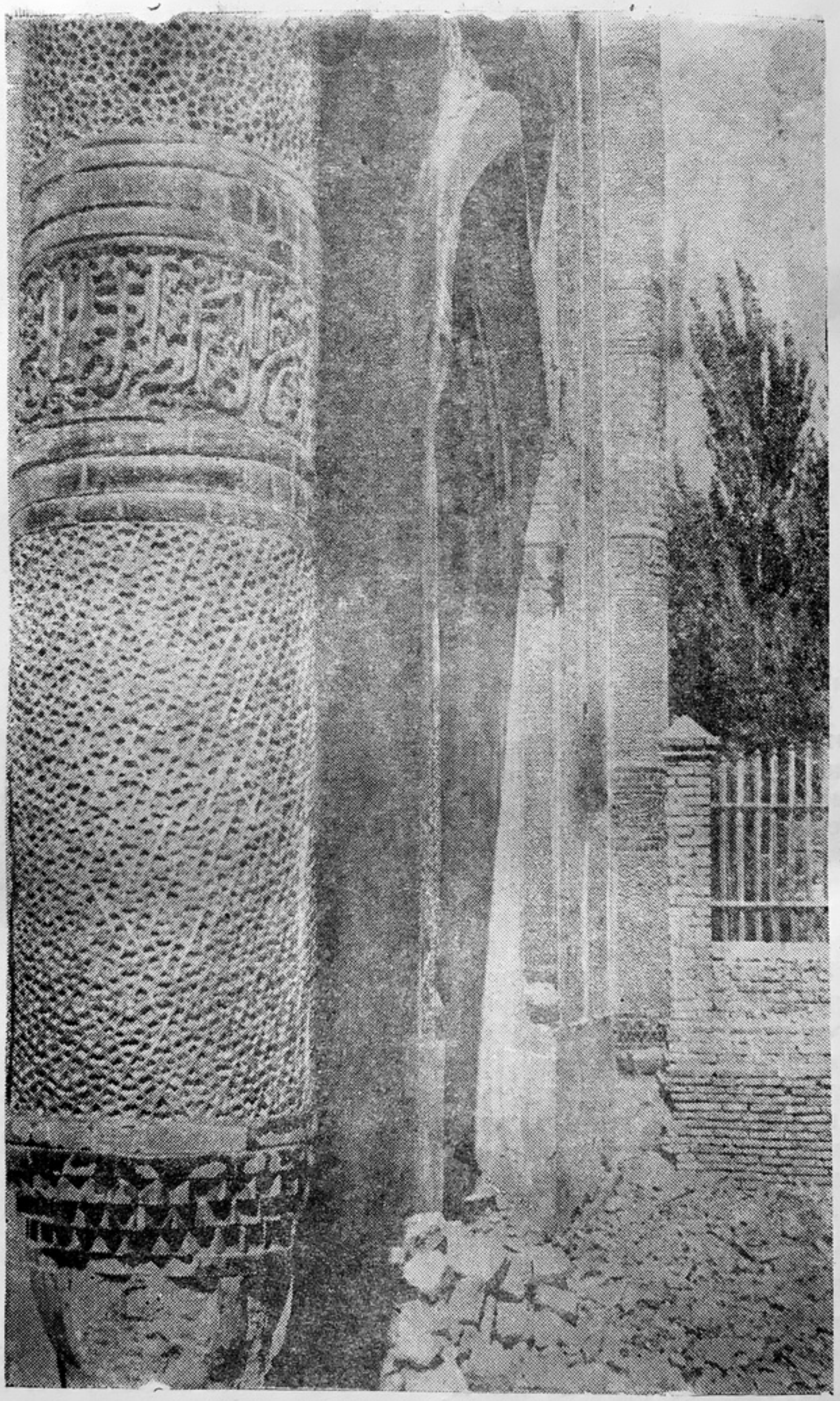

Рис. 25. Деталь колонки портала мавзолея Ходжамны кабри в Намангане.

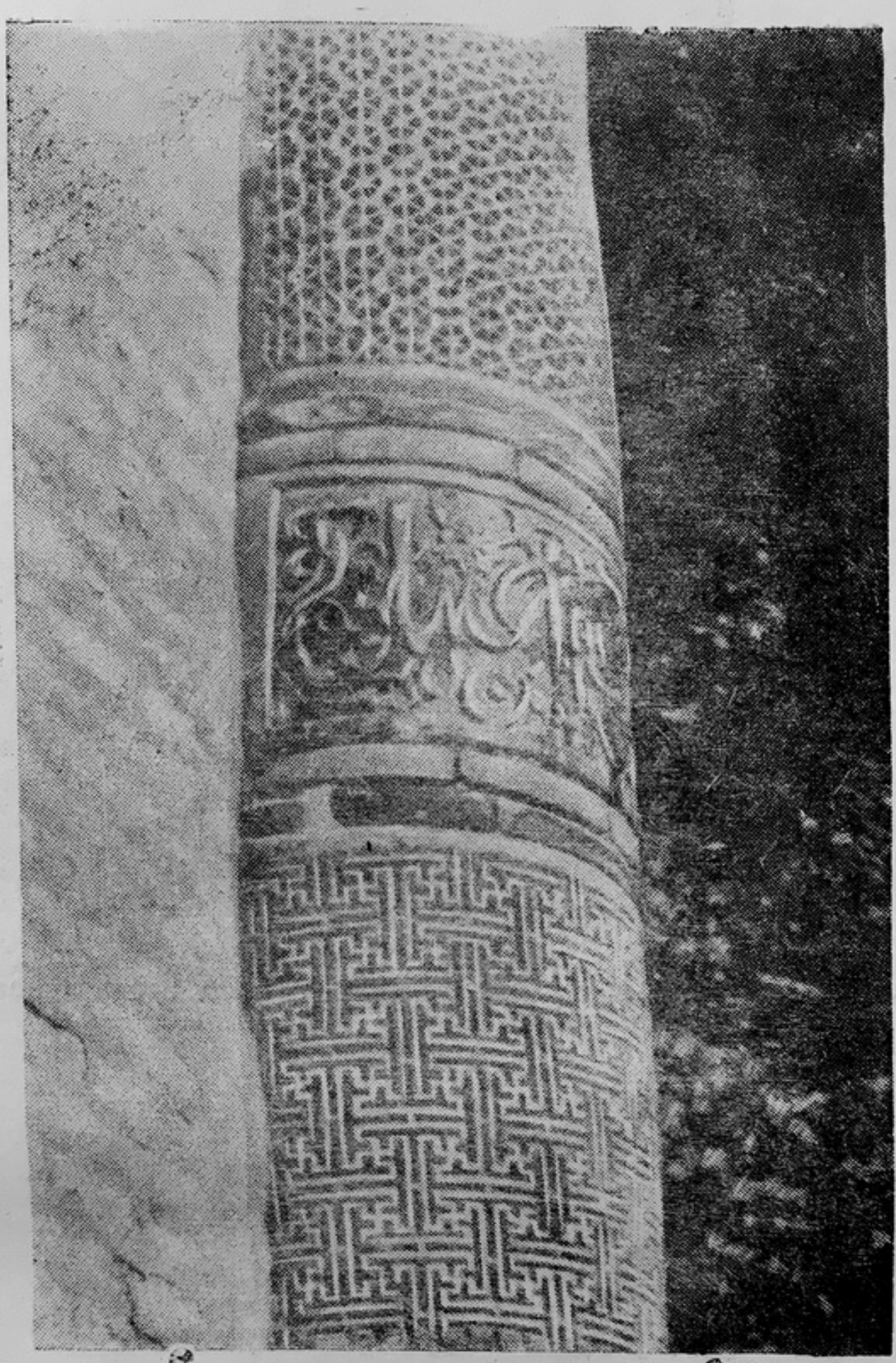

Рис. 26. Деталь колонки портала мавзолея Ходжамны кабри в Наманган.

Самый интересный и трудный для решения вопрос — о дате постройки мавзолея. В 1938 и 1948 гг., во время осмотра нами памятника, местные жители сообщили, что в надписи, окружавшей одно из панно парусного яруса, содержалась дата, но как раз это место обвалилось во время разрушительного наманганского землетрясения 1928 г. Согласно подсчетам местных жителей, грамотных по-арабски, в 1938 г. здание стояло уже 177 лет, считая на годы хиджры. Совершенно такое же сообщение записала и О. А. Сухарева, посетившая Наманган и познакомившаяся с памятником в 1950 г.[1]

Если исходить из сказанного, получается, что мавзолей был построен в 50-х годах XVIII в. Архитектор В. Л. Воронина в своем описании

[1] Личное сообщение О. А. Сухаревой.

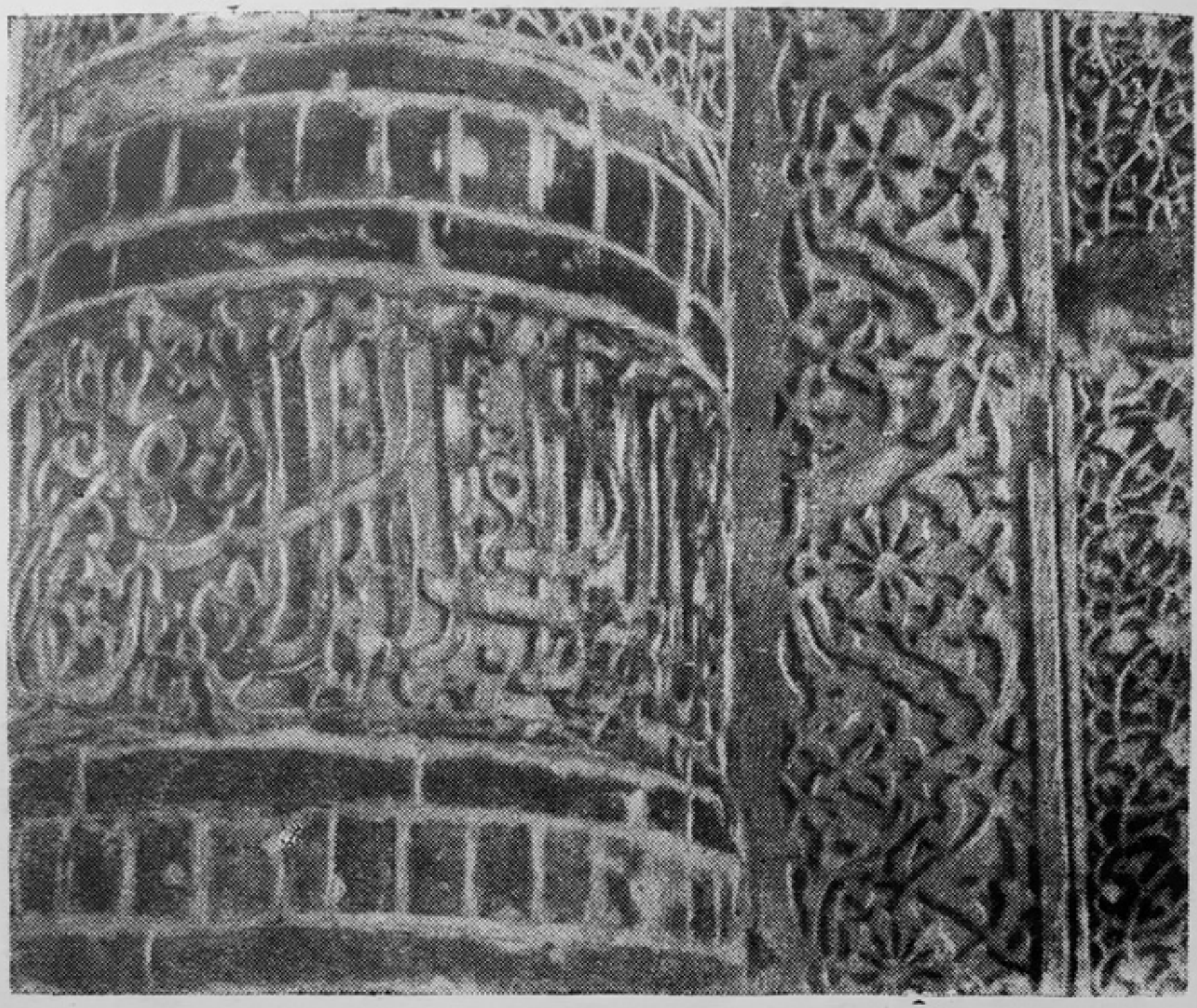

Рис. 27. Деталь колонки портала мавзолея Ходжамны кабри в Намангане.

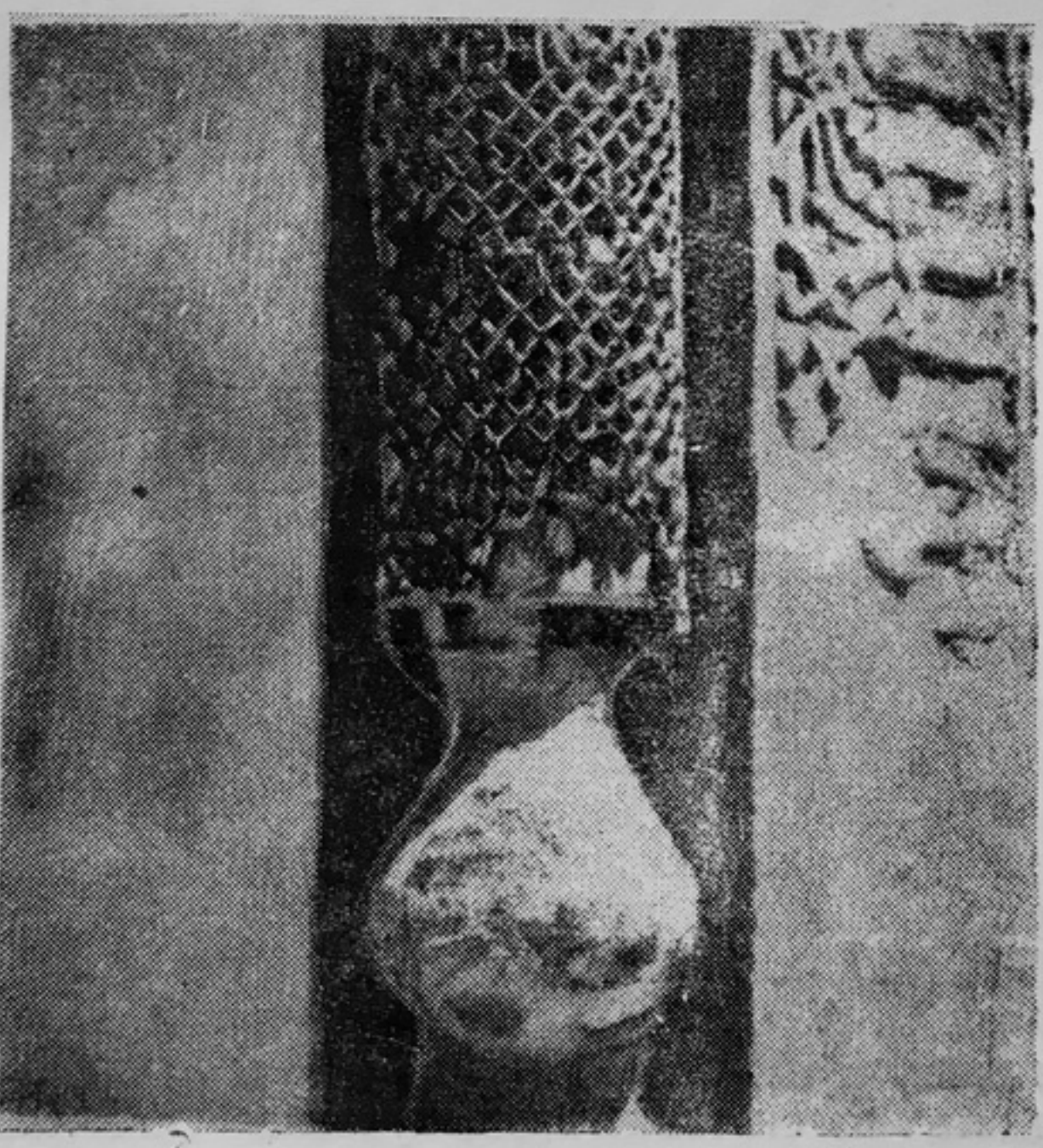

Рис. 28. Деталь колонки входной арки портала мавзолея Ходжамны кабри в Намангане.

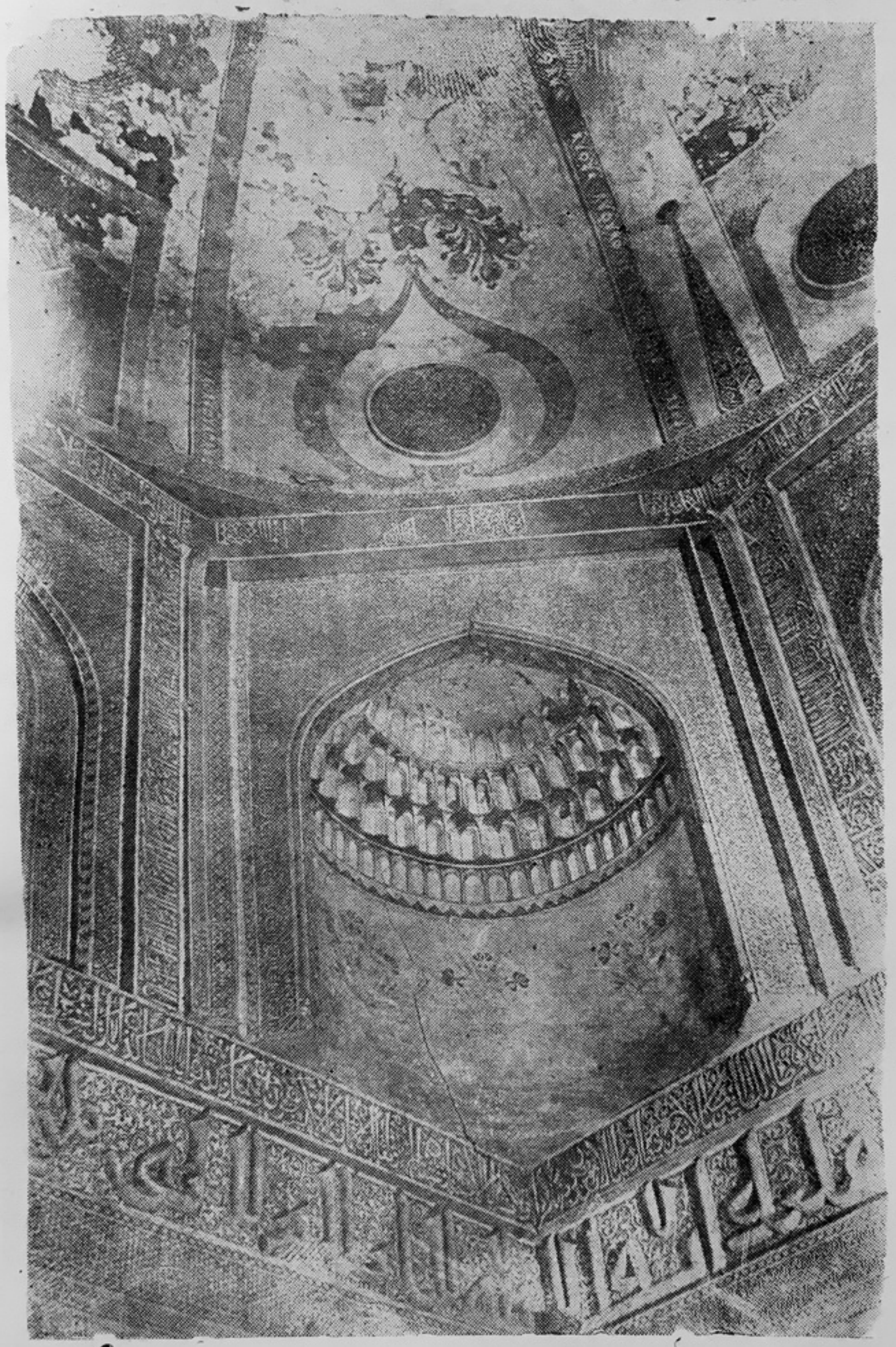

Рис. 29. Мавзолей Ходжамны кабри в Намангане. Сталактитовая арка в парусном ярусе.

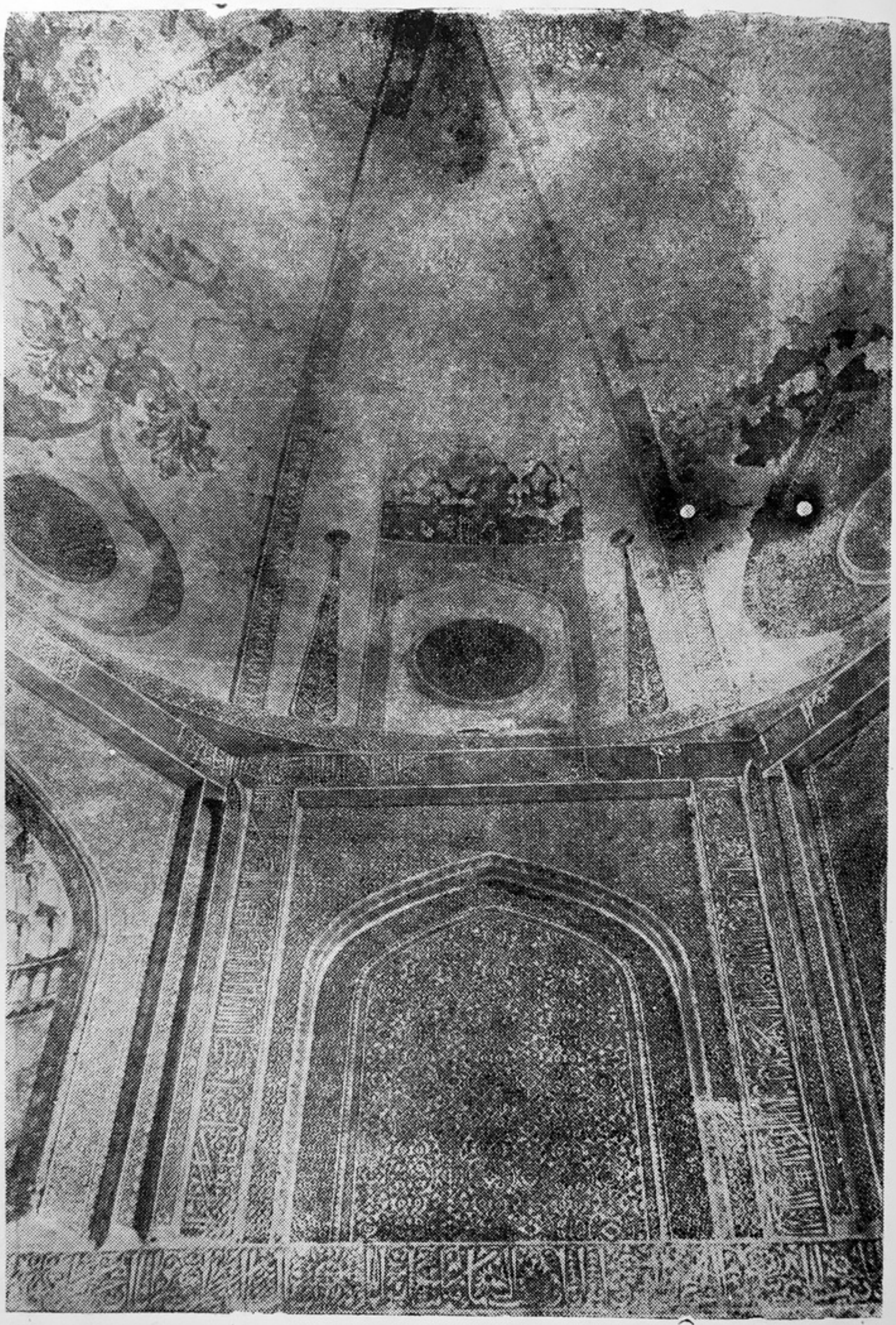

Рис. 30. Мавзолей Ходжамны кабри в Наманган. Плоская ниша парусного яруса.

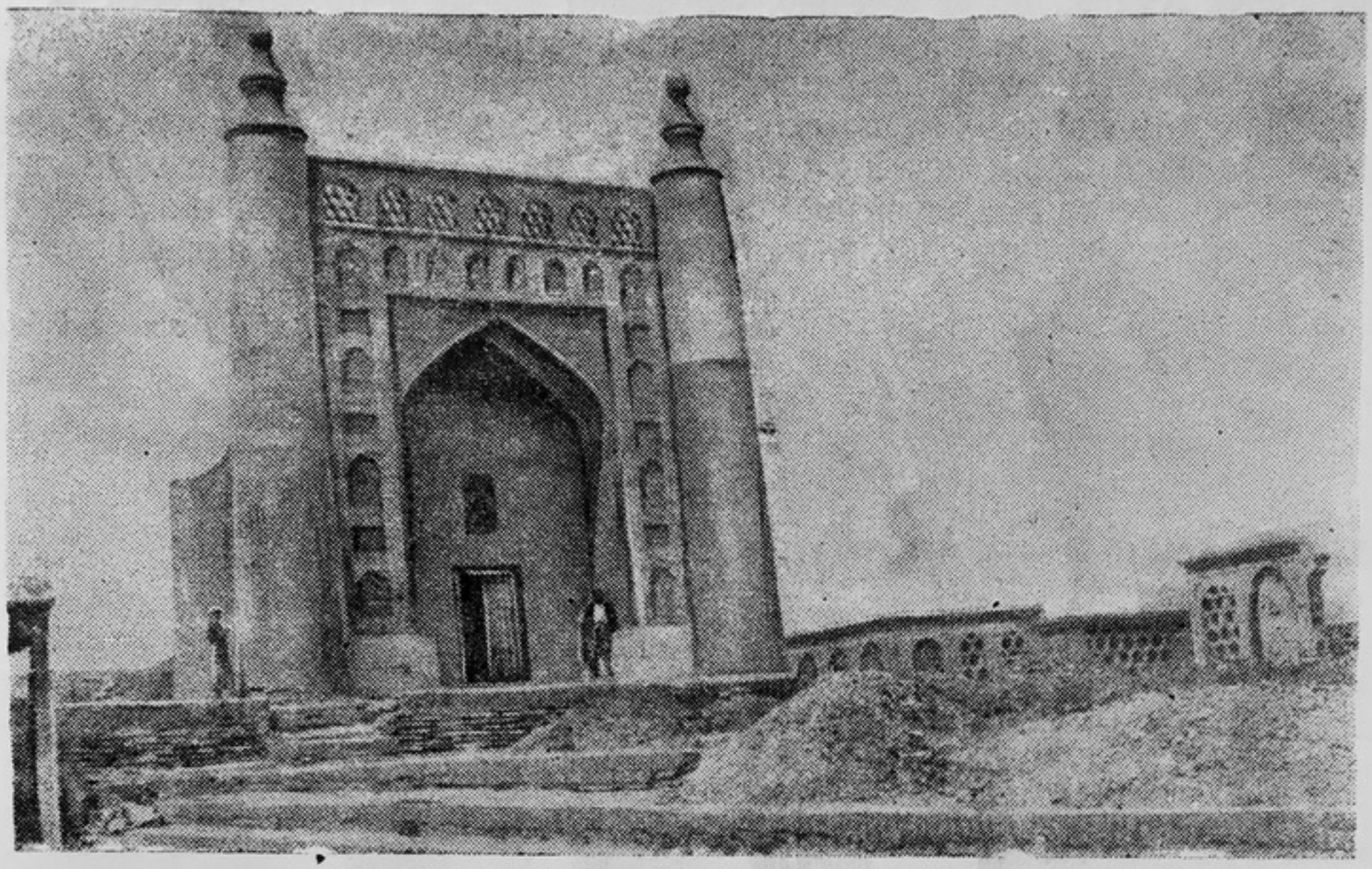

Рис. 31. Мавзолей Мавляви на кладбище в Намангане. Начало XX в. Фото А. К Писарчик. 1938 г. УДА УзССР.

мавзолея Ходжамны кабри принимает эту дату, передаваемую народным преданием.[1] М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова (знакомые с этим памятником по фотографиям) считают такую дату ошибочной и относят мавзолей к XIV в.[2]

В оформлении описываемого памятника поражает высота техники, необычная для XVIII в., а кроме того, заметно смешение стилей в отделке различных частей здания — купола, верхней части стен с парусным ярусом и особенно нижней части стен (последнее, впрочем, неудивительно, так как нижняя часть стен ремонтировалась, как видно, совсем недавно, может быть даже в послереволюционное время). Совершенно особняком от известных пямятников последних веков стоит также применение резной терракотовой облицовки на фасаде.

Все это заставляет с большой осторожностью отнестись к вопросу о датировке этого любопытного памятника. Думается, что некоторую ясность, во всяком случае в частности датировки наружного и внутреннего декора, могло бы внести исследование специалистами-палеографами многочисленных надписей на наружной и внутренней поверхностях мавзолея.

Известный советский палеограф В. А. Крачковская, по нашей просьбе, взяла на себя труд ознакомиться с фрагментами надписей портала и интерьера по имеющимся немногочисленным фотографиям. Этот материал, естественно, недостаточен для того, чтобы высказать определенное мнение о дате памятника. В. А. Крачковская поделилась с нами своими предварительными впечатлениями: надписи кажутся ей более поздними, чем XIV в., возможно, они относятся к XVI в. На время

---

[1] Цит. соч., стр. 96.

[2] М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, Гумбез Манаса, 1950 стр. 112.

не ранее XVI в., по ее мнению, указывает также и насыщенность украшающими деталями и густота рисунка неэпиграфических поясов.

Ходжамны кабри, несомненно, памятник исключительного научного интереса. Между тем за истекшие со времени нашего первого беглого ознакомления с ним почти 20 лет он ни разу не был обследован специально. Детальное изучение и фиксация его — неотложная задача среднеазиатских археологов, историков архитектуры и палеографов.

Институт истории, археологии и этнографии
АН Таджикской ССР
Май 1955 г.